

CRYSIS
ЛЕГИОН

ПИТЕР УОТТС

Питер Уоттс Crysis. Легион

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3917545
Crysis. Легион: Эксмо, Домино; Москва, Санкт-Петербурге; 2012
ISBN 978-5-699-56386-9*

Аннотация

Нью-Йорк атакован инопланетянами – чудовищными гибридами плоти и механики. Его защищает частная армия, чьей жестокости позавидует СС. На руинах свирепствует зараза, одних пожирая заживо, других превращая в религиозных фанатиков-безумцев.

И в эту адскую мясорубку – без подготовки, даже без объяснений – бросают элитного солдата.

Весь его взвод скосило еще до прибытия на поле боя. Хор бесплотных голосов в голове твердит: сейчас все зависит от тебя, лишь ты один можешь спасти мир – если поймешь, что здесь к чему. Он хочет понять. Он хочет помочь. Он готов совершить невозможное. Но на него охотятся не только чужие, но и свои. Люди считают его предателем... И было бы легче сражаться и даже умирать, если бы не страшное подозрение: а что, если они правы?

Впервые на русском! По мотивам культовой игры и от автора знаменитой «Ложной слепоты»!

Содержание

Предисловие издателя	5
Пророчество	7
Разбой и разгром	18
Совершенство	23
Маленький помощник Санта-Клауса	28
Харибда	29
Крушение	36
Семейные ценности	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Питер Уоттс Crysis. Легион

Эта книга основана на сюжете игры «Кризис-2».

Для превращения игры в книгу потребовалось кое-что изменить, расширить и добавить. Поэтому, возможно, вы заметите расхождения с игрой.

Интересного чтения!

Цеват Ерли и разработчики игры «Кризис-2»

«Кризис. Легион» представляет собой целиком и полностью произведение художественной литературы. Названия, имена и упоминаемые события либо вымышлены, либо используются в художественном контексте.

Предисловие издателя

Предлагаемый вам текст составлен на основе аудиозаписей и документов, предоставленных анонимом компании «МакроНет». Поэтому едва ли возможно подтвердить большинство изложенных здесь фактов. Упомянутые в тексте корпорации и организации – от ООН до Пентагона, «КрайНет» и ее дочерней мегакорпорации «Харгрив-Раш» – подлинность фактов яростно отрицают либо отмалчиваются. Но против «МакроНет» и «Дель Рей» было подано много исков с требованием раскрыть наши источники. Нам также угрожали административной и уголовной ответственностью в случае публикации, причем выдвигались всевозможные обвинения – от промышленного шпионажа до измены.

Тем не менее мы решили опубликовать этот текст. Иски к нам безосновательны – мы не знаем, кто предоставил нам документы. Более того, он предпринял немалые усилия для сохранения анонимности – и эти меры включали, как нам кажется, даже уничтожение сервера Google на побережье острова Каталина. Если бы мы даже захотели сотрудничать с властями, нам нечего было бы им показать.

Что же касается возможных обвинений в измене и угрозе национальной безопасности, то, по мнению авторитетов, хотя нас и можно упрекнуть в нарушении буквы закона, вероятность преследования по таким обвинениям ничтожно мала. Власти целиком и полностью заняты тем, о чем рассказывается в этой книге. Нью-Йорк лежит в руинах, всем крупным городам угрожает та же судьба. И если хотя бы половина изложенного в книге – правда, то угроза нависла над всей планетой, суля неминуемую и скорую катастрофу. Хотя власти могут даже в таких условиях потратить драгоценные силы и средства на бессмысленную попытку цензуры и подавления свободы слова.

Но, по правде говоря, если б они могли бросить на нас толпу ребят с пушками и разнести нас в клочья, они бы давно уже это сделали.

*Трисия Пастернак,
старший секретарь по связям с прессой
службы безопасности компании «Дель Рей»*

*Война кончилась бы, если б могли воскреснуть мертвые.
Стенли Болдуин*

*Сынок, ты, кажется, думаешь, что это просто игра?
Джейкоб Харгрив*

А я-то думал: мы во всем виноваты.

Да ведь вонючки «зеленые» ныли про это чуть не весь прошлый век. Глобальное потепление, надо же. Нет, извини, «антропогенные климатические изменения». Приливные волны, уровень моря поднимается, половина населения планеты шляется туда-сюда, не зная, где приткнуться, – ведь их прежние дома затопило. Сейчас на Балтике – малярия! Представь себе: тропическая зараза – на гребаной Балтике! И глазом никто не моргнул, а Южная Америка вдруг сделалась хуже Сибири. Дескать, полярный лед растаял, океанские течения закоптило и все такое. Весь мир передрался за пресную воду, сцепились, как стая ошалевших сук, – и тут Бразилия начала дымить, выкидывать сульфаты в стратосферу, и какими температурами! В общем, писец пришел, точно как чокнутые «зеленые» предсказывали, только еще хуже и гораздо скорее. Эта заварушка должна была случиться еще лет через сорок – пятьдесят, правда же?

Нас поимели, причем вроде бы мы сами же себя и поимели, и все паникеры в белых халатах, которых заранее рассовали по кутузкам, чтоб не гнали волну, заверещали в один голос: уже поздно, дескать, «тепловая инерция планеты», «точки неустойчивости», «большие корабли поворачивают медленно» и все такое. Ничего не поделаешь, мир разлетается на части, но, может, еще не совсем поздно хоть пару частей попридержать? Ну, ты ж меня понимаешь: не доводить народ до смертоубийства, поделить между голодными то, что еще осталось от чудесных хлебов и рыб, и не давать мировому безобразию стукнуть в полную силу по старым добрым Соединенным Штатам благословенной Америки. Порядок поддерживать, и все такое.

Потому-то я и пошел в морскую пехоту. Потому мы все пошли. Это ведь мы прогадали мир: жрали свинячьи чипсы и на компьютере гоняли, пока все вокруг летело и падало. Пойти в морскую пехоту было, ну, как покаяние, или будто капеллан сто раз помолиться назначил. Способ искупить, что-то вроде того.

Но оказалось: не мы это, еще не мы. Это паршивые засранцы из космоса, с их паршивым криогенным оружием, с их гребучими складами посреди Китая. Мы-то смогли б затормозить лавину, когда она только начала катиться, но Лингшан сделался тем снежком, с которого оно все и покатилося. Мать моя женщина, они даже подрались там, но чуть-чуть, мало и тихо, и сумели все покрыть. Пара директив сверху, несколько стратегических пульс-бомб, чтобы оглушить там и тут сейсмодатчики и спутники, может, прикончили еще с дюжину корейцев, рыбачивших в неподходящее время в неподходящем месте – и все. Наружу просочились только невразумительные слухи, такие тупые и дикие, что даже «Фокс ньюс» не опустились до их пересказа.

Потом мир начал крениться на борт, все пошло наперекосяк, и виноваты, конечно, мы, жадные близорукие придурки с нашей убогой экономикой на ископаемой халяве.

Но они ж таки подрались, по-настоящему подрались, Роджер, – ты это знал?

С того оно все и пошло.

Н-2.2, Алькатрас/Пророк

(условное временное обозначение).

Выдержка из дебрифинга высадки на Манхэттен,

28/08/2023

Пророчество

Расшифровка диктофонной записи

Дебрифинг высадки на Манхэттен

Личные данные субъекта: не установлены

(условное именование «Алькатрас»)

Если память не подводит, его звали Лоуренс Барнс. Пророк.

Меня, значит, окрестили Алькатрасом. Ну и ляд с ним. Конечно, имя свое еще помню. Я хоть и мертвец, но из ума не выжил. Все помню: имя, звание, личный номер. Только что мне с них? Тот, кого они обозначали, умер.

А меня опрашивает мельчайшая из мелких сошек, потому что начальники все обделались со страху, в одной комнате со мной быть никто не хочет. И думаете, эта сошка сама вызвалась?

Сошка небось возомнила, что тебе оказали гребаное великое доверие? Думаешь, они не уверены, что я не слечу с катушек в любой момент, а ты, мать твою, великий герой-доброволец?

Врешь.

И это объективный факт. Ты вспотел, проводимость кожи подскочила на пятнадцать процентов, глазки забегали на двадцать четыре процента скорее. Про голосовые гармоники можно и не упоминать. Тебе кажется, что ты говоришь сурово и спокойно, но поверь мне: на верхних частотах визжишь, будто перепуганная девчонка.

Теперь я могу все это узнать, еле глянув на тебя. И это не из-за прибамбасов, я не с тактического дисплея читаю циферки, это теперь во мне. Просто знаю, и все. Я теперь много чего знаю, чего человеку знать не положено.

Но ты не бойся. Честное слово, не стоит. Если б я хотел тебя прикончить, ты б и за порог ступить не успел. Хоть это пойми.

Правда, утешение в том слабое.

Как же мне рассказать-то все, чтоб коротко и ясно?

Ладно, начну с погрузки. Нас загнали под воду, как только перекрыли все ТВ. Именно как только, так сразу: Чино смотрел себе «Бокс с подменными телами», и тут – оп! Пошел сигнал экстренного сообщения, и через минуту «МакроНет» уже всюю трезвонила о страшном взрыве в Нью-Йорке, а еще через две с хвостом минуты мы уже несемся как угорелые под воду. У причала вынырнула «меч-рыба», танки еще не продула, а мы уже штабелями в нутро. Едва люк успели завинтить, и снова вниз.

Пристегнулись. По всей субмарине грохочет и скрежещет. «Меч-рыба» – она, по сути, жестянка для перевозки десанта, посудина с мощным движком и парой-тройкой ракетных шахт, чтоб совсем уж голыми себя не чувствовать перед шакалами противолодочными. У «меч-рыбы» есть обычные для подлодок средства маскировки, чтоб прошмыгнуть незамеченной, – но на этот раз их не включили. Куда бы мы ни двигали, видимо, шишек жаба душит – жалкие шесть процентов мощности на маскировку потратить.

Потом началась обычная нудная чересполосица: то несемся как угорелые, то ждем неизвестно чего. И тянется такое восемнадцать гребаных часов. Никто ни хрена не говорит, и «ни хрена» эти меняются час от часу. Сперва собираемся пристать к огромной надувной медузе, подвешенной в мезопелагическом слое; хотят поддержать вояк в сохранности, пока не понадобятся. Думаю, ничего, там хоть места хватает, можно отдохнуть малость от жестянки – но нет, снова тащимся к берегу. А потом кружим и кружим в какой-то богом забытой яме, твою в бога душу мать, кружим и кружим. Парни хотят подавить массу, но шеф

раздал обычный шестичасовой набор стимуляторов, все подвинтились на гамма-аминобутирате, трицикликах и супернефрине – от этой гадости потом две недели суставы ломит. У меня в заплечнике фляжка с текилой – для медицинских целей, конечно, – я и приложился, чтоб стресс унять. Предложил народу – никто не хочет. Говорят, плохо оно смешивается с нейротропными. Дристуны.

И вот сидим мы, пристегнутые, увинченные, на стенку лезем. И тут снова заскрежело, ночной свет включился, кроваво-красный, как в азиатском некросалоне, где длинно-волновым подсвечивают, чтоб трупы красивее выглядели. Искусственных разумов не требуется, чтобы вычислить: в Нью-Йорк идем, но шеф и того не говорит. Дескать, на месте нам всё и про всё скажут. Вот и сидим, окомбинезоненные, локтями пихаемся да гадаем, байки травим, чтоб ожидание скрасить. То вирусы синтетические, то ядерные заряды в туннелях, то заговор в центральном командовании. А Левенворт – кстати, знаете Левенворта? Нет, конечно, не знаете. Так вот, Левенворта опять понесло, у него крыша на роликах, говорит, мол, вентеровские биоморфы взбунтовались, устроили сущий «Скайнет». И не слушает, недоумок, что ему полкоманды твердит: вентеровские лаборатории черт-те знает где, в Калифорнии, и если нас на войну с репликантами отправляют, так не проще ли было нас по воздуху перебросить, а не гонять субмарину через гребаный Северо-Западный проход?

Кажется, Левенворт и сам-то не верит в свой гон, но ему нравится подзуживать. Если только я снова научусь скучать, то буду скучать по этому засранцу.

Из переднего люка доносятся обрывки разговоров. Кажется, еще самое малое шесть субмарин собралось, операция под командованием какого-то полковника Баркляя – никогда о нем не слышал. И упс! – что за новость, идем по Ист-ривер к Манхэттену. Но вдруг уже не идем, оторвались от группы и направились к Бэттери-парку. Шеф говорит, мол, встретиться кое с кем надо втихую, спасти. Непонятно, то ли пробалтывается, то ли из пальца высасывает.

Народ снова принялся дико гнать, гадая, а Чино – вот же ушлый! – начал ставки принимать на этот гон, прямо вот так вот, в подлодке, а я сижу, и в голове у меня вертится одно...

Вы не знаете, наверное, я ж воды боюсь до чертиков. Ну я никому не говорил, но считал, что начальству известно. Я-то справлялся нормально, даже третье место взял на морском заплыве в прошлом году. Но когда мне было восемь, я чуть не утонул. И вроде как прицепилось ко мне. Не, бросьте, начальство обязано про такое знать. Тестов куча, мозги по полочкам раскладывают – должны ж были вычислить.

Ну, я так думаю.

В общем, все лезут с теориями, Чино принимает ставки, уже восемнадцать часов прошло, и самое малое десять из них я писаю кипятком. Парчман думает: у меня похмелье, а я сижу и чувствую, что между мною и целой Атлантикой жалких семь сантиметров биостали, и плевать мне, что про сталь эту пишут. Она всего лишь паутина, выдавленная из брюха генетически модифицированного паука. Думаете, ей удастся вечно выдерживать целый океан?

По-моему, это и была единственная верная моя догадка во всем предыдущем и последующем дерьме.

Наконец в наушниках голос: время пришло, седлайте, ребята. А затем мы слышим эдакое «пам-м-м», будто щелбан по корпусу. Не как от сонара – во всяком случае, нашего сонара, – а один удар, аж корпус загудел. Все замолчали на секунду, потом Берендт огляделся и спрашивает: «Кто-нибудь это слышал?»

И тут нас грохают в борт.

Никакой тревоги, никаких сигналов – гигащелбан, грохот, и подлодка кренится на правый борт. И времени заорать нету, разве только выдохнуть: «Мать твою!» Корпус раскрывается, будто гигант приложился к нам консервным ножом, дальний край отсека просто сминается в бумагу. Берендту спину переломило, словно спичку, прям на глазах становится куклой

тряпичной, а после балка или лонжерон, какая-то там хрень выдирается из передней переборки и плющит Бьюдри, как жука.

Мы летим вниз, палуба задралась под невыслышимым углом, от носа хлещет вода, чертова жестянка скрежещет и воет, будто горбатый кит. О, вот теперь включилась тревога – или это орут все? Вокруг кровища. Думаете, ее в красном свете не заметишь? Так нет, она прям по глазам бьет, на вид черная, плотная, блестящая. Вода уже не просто хлещет, она бежит приливной волной, будто разжижившийся пол вознамерился расплющить нас о потолок. Только теперь потолок – это стена, а крыша – задняя переборка, и...

На хрен «и». Субмарина утонула, и точка. Зачем детали-то? Ты что, документалку снимать собрался? Утонула, к чертям собачьим.

Баста.

И каждый сам за себя. Я чуть вдохнуть успел, а океан уже над головой плещется, я ныряю, распихивая приятелей и куски тел, перетрусил до смерти, не вижу ничего, кроме кровавого света в отсеке да голубеньких огоньков сгорающей электроники. Субмарина еще стонет и кричит вокруг меня, сворачивается, будто лист бумаги, в комок. Слава богу, криков под водой не слышно, но металл о металл точно в мозгу скрежещет. Мы выбрались через передний люк, вокруг по-прежнему чернота, красным отсвечивает, голубым, и видна зияющая длинная дыра в боку, сине-черная расщелина, сочащаяся пузырями.

Протискиваюсь наружу, задираю голову – там бледный далекий свет. Гляжу вниз: мимо скользит огромная глыба металла, распоротая в хлам, испускающая потоки воздуха. Где-то там нос уже ткнулся в дно, оттуда поднимается, клубясь, облако черной грязи, охватывая лодку, будто живая – и очень голодная – заждавшаяся тварь.

Но я думаю только об одном: поскорей бы выбраться на поверхность.

Заметьте, ребята: там, в глубине, никакого вам выпендрючего геройства! Нет, ну я не против, но только если на мне реутилизатор дыхания, и не на один жалкий вдох при тридцати метрах до поверхности. Нет, может, я бы и стал геройствовать, если б не тот случай пятнадцать лет назад. К черту, вот вам прямо и просто: я не стал отыскивать застрявших, вытаскивать раненых на горбу. Я даже и не думал про это. Просто на моем пути помехи, одни твердые и с острыми краями, другие мягкие и пушистые, но я демократ до мозга костей, мне наплевать и на тех и на других, я распихиваю их с полным равнодушием. Мне снова восемь лет, я умираю, я знаю нутром, каково оно, умирать.

Только не это, ради бога, только не это снова!

И вот я изо всех сил толкаю себя вверх. У меня даже ума не хватило ласты подхватить, я просто бью по воде парой нелепых обезьяньих лап и знаю только: вон там посветлее, а в другой стороне – темнее, и грудь мою распирает, вот-вот взорвусь, будто целый отсек воздуха заглотнул. Я и в самом деле едва не взрываюсь, с эмболией шутки плохи, но наконец вспоминаю: последний-то вдох я сделал под давлением, и чем ближе я к поверхности, тем страшней меня давит изнутри. Потому открываю рот. Открываю, и выблевываю мой драгоценный воздух в океан, и барахтаюсь как могу, стараясь поспеть за пузырьками, и молюсь, чтоб воздух из меня выходил быстрее, чем изнутри распирает. Трепыхаюсь, загребаю, пихаю воду под себя, и вдруг свет над головой становится неоднородным, зеленоватое сияние рассыпается на лучи, и они танцуют, клянусь Господом, они танцуют! Вдруг над моей головой – потолок, корчащееся зеркало, будто ртуть, и я проламываюсь сквозь него и, кажется, могу заглотить сразу все это чертово небо, и я так рад, что живой, да ты не поверишь, охрененно рад.

Клал я с во-от таким прибором и на Берендта, и на Чино, и даже на старину Левенворта, повернутого на всемирном заговоре. Я так рад остаться в живых, что не сразу замечаю, в каком кошмаре оказался...

Кстати: ты заметил – я слегка красноречивее обычного. Местами. Подумать только, «лучи танцуют», «корчащееся зеркало». Я раньше так никогда не выражался. А теперь то и дело переключаюсь, сам того не замечая.

Но уж в этом ты рубишь, правда? Обогащение словарного запаса – лишь побочный эффект. Еще одно напоминание, что я в своей голове больше не один.

А гнездятся там прежний «я», нынешний «я» и все, чем возомнили себя мои доспехи. Ха-ха.

Имя нам – легион!

Кому: Коменданту кризисной зоны «Манхэттен»

Д. Локхарту.

От кого: Секретариат управления СЕЛЛ.

Дата: 21/08/2023.

Также: Исполнительный комитет «КрайНет».

Комендант Локхарт!

Следуя решению состоявшейся сегодняшним утром экстренной сессии Верховного суда и принимая во внимание ожидаемое в скором будущем объявление об этом президента США, морской пехоте США под командованием полковника Шермана Баркляя надлежит начать высадку в районе Среднего Манхэттена. Миссию их можно описать как «гуманитарную интервенцию», хотя солдаты проинструктированы насчет иных возможностей и будут действовать по обстановке.

Несмотря на вопиющую неконституционность этих мер, Вам надлежит взаимодействовать с силами полковника Баркляя и оказывать ему все требуемое содействие в той, однако же, мере, в какой оно не выходит за рамки Ваших полномочий.

Позволим себе выразиться ясно и просто: решение о применении вооруженных сил Соединенных Штатов на территории Соединенных Штатов исполнительный комитет, равно как и его сторонники в Конгрессе США, рассматривают как серьезную ошибку нынешнего президента, слишком слабого, чтобы в должной мере следовать законодательным новшествам, введенным его предшественником. Мы абсолютно уверены, что решение будет отозвано в самое ближайшее время.

До того времени, полагая, что Вам ясны рамки Ваших полномочий, мы рассчитываем на Ваши несомненные способности – справиться с экстренной ситуацией, как того требует Ваш долг старшего офицера и держателя акций нашей компании.

Я родился заново посреди ночи. Еще с дюжину наших всплыли и озираются по сторонам, пока я глотаю небо. Я прихожу в себя, а на поверхность выскакивают еще несколько, будто чертики из коробочки. Повсюду нефть, ее лужи испятнали воду.

Нефть в воде, но пылает небо.

Нью-Йорк вокруг нас – огромная черная опухоль. Большинство домов без света, на десяток приходится от силы пара тех, где еще светятся окна. Однако света хватает: лунное сияние пробивается сквозь облака, и сами они отсвечивают оранжевым, будто электрокамин. Если это от пожарниц, то, должно быть, полыхают целые кварталы. Даже с воды виден пылающий жилой дом вдалеке. Смотрится таким маленьким, спичечный коробок с ползающими по нему светляками. Невдалеке от берега офисная башня накренилась и уперлась в соседний дом, черный дым поднимается из сотни мест. С воды не разобрать, откуда именно, но вот

куда он поднимается, видно хорошо: огромное черное покрывало над головой, на вид такое тяжеленное. Кажется: упадет наземь – расплющит напрочь все, еще стоящее.

– Мать божья! – восклицает кто-то. – Что здесь случилось?

Левенворт! Старина, выбрался, тебе повезло!

Я обернулся, стараясь разобрать, откуда голос, но рядом со мной плавают не Левенворт, а что-то не военное и явно неживое. Оно даже и на человека не слишком похоже: глядит серыми бесформенными наростами, торчащими из глазниц, со щек тянутся пучки переплетенных то ли вен, то ли сухожилий, приросших к плечам, и все это похоже на... ну... э-э...

Ну знаешь эти огромные мощные мясорубки в супермаркетах? Туда сгружают остатки, обрезки, обломки костей, пихают в воронку наверху, а внизу решетка, и будущий гамбургер выползает оттуда пучком дряблых красных червей.

Так вот, оно выглядело вроде того.

Я вдруг замечаю: гавань вся усеяна этими раздутыми плавающими монстрами, половина тех, кого я принял за товарищей по оружию, – это обезображенные трупы гражданских. Я обед едва наружу не выметал, и думаю: может, все наши были правы одновременно? Может, это и синтeвирусы, и ядерный удар, и заговор с переворотом, мать твою, ну отчего за компанию не подкинуть и девенвортских сбрендивших биоморфов? Может, кто-то решил все сразу в дело пустить, чтобы уж гарантированно нас доконать?

Только сдается мне, это далеко не все, ох не все!

Тут кто-то завопил, я оборачиваюсь, ожидая увидеть новый кусок мертвечины и гнили, но вместо того вижу бурлящую от множества пузырей воду. Сперва думаю: это предсмертный вздох «меч-рыбы» со дна Гудзона, но вода все бурлит, и у меня вдруг мелькает проблеск надежды. Может, это наша субмарина пришла на помощь, кавалерия примчалась спасать несчастных поселенцев? Темная металлическая штуковина уже различима под поверхностью воды, снизу просачивается красный свет, а крошечная, забившаяся от страха в нору часть моего рассудка шепчет: не слишком-то оно похоже на рубку подлодки. Никогда таких не видел.

Оно поднимается над водой, и поднимается, и поднимается, и вот уже целиком вылезло, и все поднимается, эдакий небоскребище, вода по нему стекает реками, аж море внизу ходуном ходит. И по-прежнему ни хрена не разобрать, только две штуки круглые вроде гимнастических обручей (и размером с них же) пылают оранжевым огнем, а между ними – темень. Одно ясно: чем бы эта штука ни была, она не отсюда.

И не успела эта мысль как следует обжиться в моей голове, летучая хрень врубила прожектора и начала отстрел.

Когда вижу бегущую ко мне череду всплесков, рефлексы срабатывают как часы. Их и под водой слышно, это «твип-твип-твип» стрельбы очередями, вот оно громче, вот ослабло, когда погружаешься. Но только всплываешь хватануть воздуха, сыграть с курносой в чет-нечет – снова вовсю. Не поймешь, куда плыть, – времени нет. Выскакиваешь, вдыхаешь, краем глаза подмечаешь, где над головой несется мелькающая дорожка трассеров. Оп – кто-то вскрикнул, проиграл свой раунд в чет-нечет, но ты уже снова под водой, надеясь не подгадать безносой, пока на берег не выберешься. Конечно, там не нырнешь, но, по крайней мере, земля под ногами. И можно спрятаться, а не болтаться на воде живой раскровяненной приманкой для акул.

Долой мозг, вся власть мозжечку, пусть мышцы решают сами, в какую сторону дернуться. Не пытайся думать, что перед тобой, – это не по твоему уму, времени нету. Думай, что оно делает. А оно стреляет! Никаких тебе фазеров, лучей смерти, оно, мать его, стреляет! И никаких целевых суперкомпьютеров, а то ты был бы уже трупом. Оно расшвыривает гребаные пули, будто заказало обычный боезапас с обычного склада армии США.

Конечно, и обычный боезапас подходит прекрасно, когда мишень – безоружный гамбургер, нелепо бултыхающийся посреди бухты. Выныривая, я слышу крики – воздушный урод косит нас как траву. Но я все кидаю кости, я в игре: дышу, ныряю, выныриваю, загребаю, дергаюсь влево, вправо – и летучий придурок меня не достал! Я добрался до берега и чуть не убился о кучу хлама, не заметил прибрежных камней, а торчащая у самой поверхности дреколина чуть не выбила мне глаз. Дно и камни скользкие, но ведь твердые! Ура! Карабкаюсь наверх и утыкаюсь в бетонную стену набережной. За долю секунды соображаю: без крючьев или перчаток-липучек никак не выбраться. Поскальзываюсь, валюсь навзничь, а из стены брызжет бетонная крошка, и я люблюсь на череду круглых выбоин там, где секунду назад была моя голова.

Я снова в воде, а прожектора в небе, поганые гляделки, так и шарят по бухте, выискивая мишени. Кто-то слева орет – мать честная, Левенворт, и не пришибло психа, вот же нашел место, где параноику самое раздолье. Он машет, показывает: неподалеку набережную разворотило, в парапете дыра в несколько метров. Он уже нырнул туда, я поспеваю следом. Ползем через небольшой такой каньончик ломаного бетона и спутанной драной арматуры, норовящей выпустить тебе кишки при каждом движении, будто рыбе. А в воздухе особая вонь – не масло и мазут с подлодки, не смрад от трупов и дерьма в бухте, а кислое такое, резкое. Аммиак – вокруг смердит аммиаком!

Наконец мы выбираемся к груде мусора, бывшей когда-то улицей, и прячемся под вздыбившимся пластом асфальта, похожим на детский шалаш. Но Глазки Небесные на месте не стоят, шарят, заходят сбоку – и мы у них как на ладони. Левенворт выскакивает и несется к ближайшему укрытию, старому развалившемуся дому метрах в пятидесяти, за автостоянкой. Я мчусь за ним, глаз от земли не отрываю, но помогает мало: все равно вижу, как Левенворт разлетается, будто шарик с водой, аккуратно перед моим носом. Пули сыплются градом, нас приятненько так превращают в фарш, а тупой голосок в моей голове все не заткнется, все твердит: «Ну, по крайней мере, Левенворт умер счастливым, прав оказался напоследок, пришельцы из космоса его ухайдокали, и...»

И тут – хрясь! Будто тяжелым, тупым приложили, потянуло за все тело – и я уже никуда не бегу. Ног не чувствую, лежу мордой в щебенке, вокруг кровища – моя, не иначе, я прям чувствую, как из меня хлещет.

Но боли нету. То ли хребет перебило, то ли шок, боль еще до мозгов не добралась. Хотя чувствую: ребятки, я подыхаю. Лежу и знаю: сейчас кончусь. И не больно совсем.

Но руками я еще двигать могу. Неподалеку кто-то орет – значит, не один я еще живой, не всех ухлопали. Переворачиваюсь на спину – а перед глазами дрожит, мушки плавают, все кровавым подернулось, но если уж мне кранты, так почему бы не взглянуть напоследок врагу в лицо. Вот он, огромней смерти, целый летучий Армагеддон, темный силуэт за слепящим светом, и я ничего не могу различить, но воображение услужливо рисует сотни дергающихся, выслеживающих стволов, ловящих цель, глядящих прямо на меня, мать твою, прямо в душу – и вдруг над головой эдакое «бу-умм!».

Небесные Глазки дергаются, будто промеж них отвесили хорошего пинка.

Мгновенно мелькает: «Ни хрена себе отдача». Но потом доходит: это ж в поганца ПОПАЛИ! Не знаю, кто у этой летучей махины вместо пилота – но и до него дошло, про меня сразу забыл, развернулся, отыскивая того парня, который осмелился дать сдачи.

И вот он стоит в перекрестье прожекторных лучей, как поп-звезда.

Похож на боевого робота: вроде циклопа, для лица места не осталось, полголовы – здоровенный кровавый глаз. Словно кто-то большую греческую статую ободрал до мышц и сухожилий, пучки мышц хорошо видны в прожекторном свете, цвета оружейной стали, глянцевые, маслянистые, обернутые вокруг торчащего там и сям скелета. Хребет хорошо

заметен, высовывается, над плечами вроде черепа, костяшки пальцев, коленные чашечки и локти блестят хромом, но вряд ли это хром, им надо быть раз в тысячу крепче.

Клянусь, тогда мне показалось: он ростом метров десять! Идет по развалинам, точно голем какой, мать его, а в руке пушку держит, в одной руке, будто перышко, будто она сто грамм весит. Мышцы сокращаются, трутся друг о дружку при каждом шаге, на вид совсем живые – но я никогда не видел, чтоб живое так двигалось.

И кажется: колосс этот одним ударом сметет паршивый Армагеддон с неба.

Но не сметает. Летучий снова разворачивается, стреляет, попадает голему в грудь, и – клянусь, не вру! – этот ободранный Зевс остается на ногах! Качнулся назад, зашатался, без малого грохнулся навзничь – но не грохнулся же. Устоял, снова поднял пушку – теперь ее хорошо видно, вроде минигана, непомерная штука для простого смертного. Может, с беспилотника «таранис» содрал или еще откуда, но таскает он ее будто бумажный пистолетик, наставил и – о дивный звук! Волшебное пение, наверное, тысячи три выстрелов в минуту, лента свистит и летит, несется сквозь пулемет – прям телеграф тридцатого калибра.

Я хохочу, как Джокер из «Бэтмена», ошалело радуюсь и забываю напрочь, что я при смерти. Вот мой ангел-хранитель, вот Гавриил, вострубивший в трубу Судного дня, адский корабль дергается, качается, хочет удрать, но сейчас он в огне, блюет дымом, кренится на правый борт, кажется, уже и не может взять голема на мушку, палит наобум в ночь, полосует длинными очередями небо и море.

Наконец валится – и вовремя. Через две секунды пушка моего спасителя умолкает и крутится впустую.

А я отсмеялся навсегда. Мне и дышать-то тяжело. В глотку натекла кровь, едва могу ее выкашлять. Но Гавриил меня слышит даже сквозь рев огня. Гавриил видит меня и приходит за мной сквозь дым и развалины, с миниганом, чьи стволы вращаются бешено, но уже бес- сильно, по инерции, неспособные глотать и выплевывать сталь. Гавриил наконец это замечает, равнодушно отшвыривает пушку прочь, становится на колени и смотрит на меня.

Я гляжу в ответ, в забрало цвета темной меди, блестящее, непроницаемое, на короткое металлическое рыло под ним, вроде как вделанный противогаз-респиратор, на жгуты серых мускулов на щеках. Мускулы держит металл вдоль края челюсти. Полосы металла смыкаются на месте, где положено быть рту, на манер жвал.

В общем, словно богомолу в морду смотришь. И он смотрит – молча.

Долго молчал. Чертовски долго. Я уже сам пытался заговорить, мол, «спасибо» и «хорошо пострелял» или хотя бы «мать твою», но говорильные части у меня больше не работают. Наконец слышу электрическое жужжание и голос: «Похоже, ты – мой билет отсюда!»

Голем, ангел, циклоп, робот – не могу понять, кто он такой и что он такое. Может, брежу наяву? Может, у меня предсмертные галлюцинации?

С высоты теперешнего опыта скажу: может, и не совсем галлюцинации, но уж точно предсмертные.

Он меня спас. Как долго спасал, не знаю – я был большей частью в отключке.

Движение помню, помню, как меня понесли на небо, взвалив на геройское плечо, словно мешок картошки. Помню, как прямо под моим брюхом ходили ходуном пучки кабелей, больно врезаясь. Наконец стало больно – это я хорошо помню. У-у, это была агония – оголенные нервы, переломанные кости, кишки, пропущенные сквозь дробилку. Я млею и теряю сознание от боли, от боли же приходил в себя – и снова теряю сознание.

Но был почти что доволен, верите? Почти счастлив. Жив курилка, не помер еще! Я еще здесь. Мне еще больно!

Но кричать не могу. Ни звука не могу издать. Слышу, как он говорит из шлема. Голос пропущен через штуку вроде вокодера, жужжание электронное, машинное, но, похоже,

внутри этой штуки – живой человек, и он пытается выбраться наружу. Кричит, беснуется. То и дело замолкает, будто прислушиваясь. Я тоже слушаю, но никаких ответов не слышу.

– Так вот оно зачем. Так вот он, твой гениальный план! У тебя всегда есть гениальный план, конечно!

– Ну да, ну да, у глины нет никакого права спрашивать, что и зачем делает гончар. Да только твои ноги тоже сделаны из обычных, земных, смертных частей, как и мои ноги, разве нет? Разве, спрашиваю, нет?!

– Да ты, засранец, вовсе не над всем этим стоишь. Ты не выше меня. Ты можешь быть во мне, но ты не выше меня!

– Черт бы тебя побрал, монстр, проклятый паразит! Черт бы тебя побрал!

И непонятно: молится он или проклинает.

Когда я прихожу в себя в следующий раз, кто-то визжит. Покамест не я – хоть и стараюсь изо всех сил, уж поверьте. Пока у меня только-только получается захрипеть. Но кто-то визжит, и звук отскакивает от потолка, от стен, валится на меня со всех сторон, и слышится в нем металл.

Значит, надежда и опора притащил меня в убежище.

Раскрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться, что-нибудь рассмотреть – напрасно. Горит огонь – огромные тени корчатся на стене, все залито оранжевым светом, разве только правее что-то не так, не вписывается. Чуть поворачиваю голову, краем глаза вижу: мой голем играет с крошечным синим солнцем, пляшущим в ладони. «Лазер», – думаю я и отключаюсь снова.

– Проснись!

Ага, я еще живой. Еще.

– Просыпайся, солдат! Сейчас!

Место то же самое, время другое. Высоко над головой закрытые ставнями окна, в щели лезет яркое солнце, плещет на грязный пол.

Мне лучше. Боль кажется далекой, приглушенной. Это хорошо – значит, нервы, кричавшие из всех уголков моего поломанного тела, наконец заткнулись. Значит, есть надежда подохнуть спокойно.

– Мать твою, просыпайся!

Передо мной висит нечто огромное, темное, дряблкое. Я заставляю себя прищуриться, заставляю мозги понять увиденное: ободранную тушу, распотрошенный...

Да это же голем!

Мой спаситель висит распотрошенный, будто рыба. Свисает, пустой и плоский, с балки над головой, рассеченный посередине и лишенный внутренностей. Все его чудо-мышцы цвета оружейной стали болтаются вялые, недвижные, внутренность блестит красным, влажным – будто сырое мясо... У меня опять глюки или эта пустая шкура и в самом деле кровоточит?

– Я тут.

Смотрю и вижу здоровенного черного мужика с бритой головой, одетого в тонкое облегающее черное трико, испещренное сетью белых прожилок, – вроде костюма аквалангиста с вентиляцией. Лицо в грязи и крови, и одно безумное сюрреалистическое мгновение в моей голове вертится мысль: «Да у него жабры!» Но это попросту кровоточащий порез вдоль челюсти. Я сосредотачиваюсь на эмблеме у мужика на плече, напрягаюсь. Та перестает скакать перед глазами, и могу прочитать: «ВДВ». Десантник, значит.

В руке у негра штука вроде шприца. Теперь чувствую зуд, покалывание – негр только что опорожнил эту штуковину в мою руку.

– Говорить не пытайся, – предупреждает черный.

Я пытаюсь рассмеяться, но боль тут же возвращается.

– Лежи тихо, пусть оно дойдет. Ты справишься, все будет нормально.

Странно – будто извиняется.

И сам-то выглядит не ахти. Из носу сочится кровь, на ногах стоит нетвердо, лицо серей бетона. Один глаз налит кровью, будто все капилляры полопались. Руки трясутся, глаза так и бегают туда-сюда, по-птичьи, будто в каждой здешней тени притаилось чудовище и вот-вот прыгнет, а теней тут хватает, пыльный свет, сочащийся из щелей в окнах, не рассеивает темноту, только добавляет теням контраста и силы. Кажется, серьезных ран у черного десантника нет и кости целы, но вот с головой... За последние пару часов я навидался дерьма и теперь смотрю костлявой в лицо, но этот черный – он жути навидался куда больше, глаза – пустые провалы в гребаный ледяной ад.

Что-то валится на крышу, скрежещет металлом о металл. Десантник глядит вверх, и его лицо бледнеет. Я имею в виду, по-настоящему бледнеет, клянусь, будто под кожей засветилось на секунду, но я сморгнул – и все, уже нету. Вверху шуршит, елозит, я всматриваюсь, но ничего разобрать не могу, только расплывчатые силуэты балок.

– Об этом не беспокойся. – Он кивком указывает на потолок. – Это самая меньшая из твоих проблем.

Снова звуки сверху, быстрый топот, сыплется неровно грубая пыль, танцует в лучах света. Потолочные балки похожи на ребра. В моей памяти всплывает библейская история, я видел ее давно по ТВ, что-то про китов и богов. Может, какой инопланетный монстр заглотил нас целиком?

– Ты в полном дерьме, – изрекает десантник, и голос его совсем пустой, равнодушный.

Неживой даже. Будто человека уже нет, а осталась штука вроде автопилота, чтобы управлять телом.

– А времени не осталось, – продолжает десантник, и я вижу: ошибся, здесь еще человек, не ушел.

В глазах его человечность осталась, в красном, налитом кровью, и в белом, в обоих судорожно дергающихся, беспокойных, живых глазах. Бьется, перепуганная, запертая, неспособная выбраться. А телом управляет автопилот, он хозяин, и выдает спокойно, бесстрастно: «Теперь дело за тобой, солдат. Я больше не могу».

Внезапно оба глаза – красный и белый – глядят прямо в мои. Вгрызаются, вворачиваются шурупами, сверлят, протыкают насквозь. Мне совсем не нравится глазеть в эти безумные зенки, я пытаюсь отвернуться – и от усилия снова уплываю. Черный опять светится, изнутри на щеках просвечивает сетка вроде сот. У мужика биолюминесцентное тату, ну, знаете, когда вводят под кожу светящиеся бактерии. Чем сильнее возбуждаешься, тем сильнее они светятся, это на приток крови завязано, растворенный кислород и все такое. А мужик, должно быть, возбудился на все сто. Мать его, сетка прям сияет под кожей, как в старой лампе, где видна накаленная спираль. Но я плыву, плыву, перед глазами все дрожит и мутнеет, в глазницах будто снежки какие, пятна скачут, все крутится, весь чертов мир несется в гребаный крутящийся туннель, водоворот, а в центре – безумные зенки негра, и мертвый холодный голос за ними говорит: «Это лучшее, что я могу сделать...»

И что-то обнимает меня сзади!

Ощущение, будто слизняк проглотил. Теплое, скользкое оборачивается вокруг рук, ног и груди, поначалу больно, мать твою, как больно! Но боль постепенно отступает. Что ее прогнало – непонятно, однако же становится чертовски хорошо. Намного лучше, чем под морфином, – боль притуплена, но разум не дурманит, не тяжелит голову.

Наоборот, в голове ясно и светло, мысли новые появляются, а старые вроде как изменились. Беспрецедентно! Я могу думать словами вроде «беспрецедентно», не чувствуя себя при

этом умствующим засранцем, хотя мне и не слишком нравится не чувствовать себя засранцем.

То бишь мозги не только заработали на всю катушку – но, как уже говорил, стало хорошо, стало прекрасно! Наверное, это от новых производных допамина, ну, ты про них слышал. Подумал – и тут же вспомнил, где про эти производные слышал: в просмотренном краем глаза макронетовском ролике, всего-то пятнадцать секунд целых два гребаных года назад! Одно из двух: или я умираю и насчет «всей жизни перед глазами» крупно наврали, или гигантский слизняк, меня проглотивший, непонятно усилил мою память.

Перед глазами плавает, крутится, и – оп! – фокусируется до невероятной, нереальной четкости, будто и не на реальный мир смотришь. Ну, ты ж знаешь, наверное, как оно в записях тактического симулятора на высоком разрешении или в дешевых видеоиграх? В поле зрения заползают ряды цифр: бытовой лог, анализ обстановки, но что интересно – они вроде бы внутри меня. Выглядит как обычный лицевой графический интерфейс, да только не обычный он вовсе. Циферки-то и закорючки прямо в моей голове, эдакий мозговой графический интерфейс.

Я снова чувствую ноги, я могу стоять, передвигаться. Пытаюсь поднять руку – и вот она, одетая в рубашку искусственных мышц, ползущих по руке осьминогом, когда сжимаю кулак. Сокращаются, расслабляются, отзываются на каждое движение. Я смотрю – а рука моя то пропадает, то появляется, по ней бегут волны света и темноты, словно тучи под ураганным ветром. По краям волны сверкают самоцветами: глубокой морской зеленью, темной лазурью стратосферы – не знаю, как ребята из отдела продаж зовут такие цвета. Вдруг рука пропадает целиком, превращается в жидкое стекло, тает. Полосочка перед глазами растет, а под ней надпись: «Последовательность инициализации хроматофора», и полна уже на 87 %. Когда доходит до 100 %, рука появляется снова, обыденного, скучного, универсально-серого цвета, с едва заметной гексагональной сеточкой на ней, выглядящей точь-в-точь как татуировка десантника (у вэдэвэшников проблемы с воображением, что видят, то на себе и малюют). На дисплее надпись: «Режим невидимости».

Я теперь Гавриил. Я – голем, я – своя собственная надежда и опора. И хотя я по-прежнему – куча ломаных костей и рваных кишок внутри чудесной брони, чувствую себя охренительно. Мне хорошо. И десантник с ошалелыми глазами стоит передо мной на коленях, протянув руки в мольбе.

Только он не умоляет, конечно, – просто завинчивает меня в доспехи, затягивает последнюю пару креплений на груди.

– Хорошо, правда? Я уж знаю, лучше не бывает. Да только ненадолго, уж ты поверь мне.

Что-то в негре изменилось. Судороги не прошли, и руки трясутся еще сильнее прежнего, но ужас в глазах, безумие – оно ушло. Лицо вновь потемнело, татуировка погасла. Правый глаз теперь – сплошная красная муть, в нем ничего больше не видно, а левый нормален, и видится в нем покой, почти умиротворение. Смотрит на меня грустно и внимательно.

– Знаешь, оно живое, – говорит десантник. – И одержимое, так можно сказать, да – одержимое. Оно не двинется, пока я не двинусь, оно... вирусное. Но оно желает тебе добра, не забывай. Всегда желает. Помни об этом, и, может, тебе удастся повернуть дело и выбраться.

– Провернуть что? Выбраться откуда? – пытаюсь я спросить и не могу.

А он отвечает, будто расслышал:

– Отыщи Голда, Натана Голда. Это все, что я могу теперь сделать, ты – это все, что я могу сделать. Прости, брат, прости, я уже весь. Оно теперь на тебе, всё до конца.

Так дрожит – едва может стоять. В груди хрип, я столько раз его уже слышал. Шатаясь, поворачивается, глядит на грязь и развалины со всех сторон.

– Смотри на это гребаное место, смотри, – шепчет, едва шевеля губами.

Сквозь треск огня, скрежет чего-то рушащегося, доносящиеся издалека крики я слышу этот слабенький шепоток, слышу отчетливо. Клянусь, я могу слышать даже биение его сердца.

– Они звали меня Пророк. Помни обо мне.

Потом утыкает ствол табельного пистолета под челюсть и вышибает себе мозги.

Разбой и разгром

Ерш твою медь.
И что мне делать?
Бля-а-а.

Кровь и мозги Пророка стекают по лицевому щитку, а перед глазами радостное такое объявленьице: «Боевые разработки КН, нанокombineзон-2.0». И вдруг чувствую – я не могу двинуться. Вокруг идет чертово побоище, всю мою команду расстреляло летающее блюдо с гребаной Зета Ретикули (вот оно, я это выговорил!). Единственный, кто мог ответить на мои вопросы, лежит с вышибленными мозгами, а моя чудесная волшебная новая броня не хочет двигаться, и я в ней будто муравей в янтаре. Кто-то топчется по крыше, нагло так, вовсе не заботясь о том, что его могут услышать. А я как раз наоборот, очень даже забочусь, потому что сижу мишень мишенью и двинуться не могу, весь на тарелочке.

С другой стороны – и мне трудно сказать, лучшая это сторона или нет, – я еще жив. Согласно же диагностике, чьи результаты бегут сейчас перед моими глазами, живым я быть не должен. Хребет переломан в трех местах, горло раздавлено, порвана бедренная артерия, в легких больше крови, чем воздуха. Это далеко не все, список тянется и тянется. Судя по данным, у нанокombineзона-2.0 способности к диагностике и лечению как у полноразмерного стационарного госпиталя. Торчу в нем на месте, будто садовый гном, зато получаю полной дозой антитела, автокаталитический фибриноген и дюжину разных искусственных остеобластов, чтоб мои кости поскорее срослись. Если рассудить здраво, висеть неподвижно в ультрасовременном лечебном футлярчике, подогнанном к телу, вовсе не так уж плохо – конечно, пока нехорошие типы не явятся проверить, кто там в футлярчике сидит.

Наконец данные биотелеметрии перестают нестись как угорелые, поле зрения проясняется, только по краям остается горстка иконок цвета зеленого льда. Нанокombineзон-2.0 докладывает: «Новый профиль ДНК интегрирован» – и отключается.

Я могу двигаться снова.

А тварь на крыше только и ждет этого. То и дело топает по железу – на случай, если я про нее позабыл. Так барабашка сильней давит на ступеньки скрипучей лестницы перед спальней, когда долго не обращают внимания. Хочет напомнить: здесь я, никуда не делся.

Я не позабыл, будьте уверены. Переступаю через останки Пророка, и от моей тени разбегаются тараканы. Их здесь полным-полно. Я поднимаю пистолет Пророка. Силуэт пистолета перед глазами обрисовывается светящейся линией, и система выдает опознание: «M-12 “Нова”, легкий автоматический пистолет».

Пустой. Как же я ненавижу, когда люди берут машину и возвращают с пустым баком.

Топ-топ, с потолка сыплется пыль.

– Морпех, добро пожаловать на светопреставление!

Это электронный голосок процессора зажужжал в ухе – но я все равно шарахаюсь. Шарю глазами по тактическому дисплею, пытаюсь уразуметь, где сигнал связи. Когда смотрю на иконку, та светится. Интерфейс по движению глаз – умно.

– Все системы подключены, – сообщает электронный голос. – Эн-два работает в нормальном режиме параметров.

Это не связь – сам нанокombineзон говорит, гребаные электронные мозги. Мутновато звучит на верхних регистрах – динамик поврежден, что ли?

А голос-то как у Пророка.

– Отмечаются небольшие структурные повреждения в межреберном пространстве и связях баллардовых топливных элементов, оценочное время ремонта нанокombineзона – двадцать шесть минут. Оценочное время лечения оператора пока недоступно.

А-а, дерьмо какое, похоже, эта штука подделывается под голос Пророка. Интонации узнаваемые, но чуть прислушаешься, и ясно – не то.

Я гляжу по сторонам, отыскивая пистолет, нож или на худой конец подходящую дубину. И наконец понимаю, где я, – в здоровенном ангаре вроде портового склада. Стою я в проходе между рядами придвинутых к стене зеленых судовых контейнеров, они без маркировки, если не считать намалеванного по трафарету красного креста на дверце каждого. Оружия никакого, но пол усыпан гильзами – значит, есть надежда отыскать патроны. Проход через десять метров упирается в глухую стену, под ней тлеет огонек затухающего костра, сложенного из ломаных ящичных досок. Просочившийся солнечный свет падает на крыши контейнеров слева. Кажется, с другого конца есть выход, просвет между контейнерами с одной стороны и кучей здоровенных решетчатых клеток, похожих на гигантские тележки из супермаркета, набитые тряпьем. Судя по жужжанию, где-то там неисправный трансформатор или распределительный щит.

Я двигаюсь – и тварь на крыше тоже начинает двигаться.

Наверняка выслеживает.

И еще – в клетках вовсе не тряпье.

И жужжит не трансформатор.

Бля.

Из этих клеток ноги высовываются. И руки. Некоторые с виду почти нормальные, а другие обезображены нарывами, наростами. Среди тряпок и трупов что-то блестит. Я еще не успеваю подойти поближе, разглядеть, как уже знаю: оно на меня смотрит. Оно и в самом деле смотрит – только во лбу у него аккуратная круглая дыра. Повсюду мухи – ползают, жужжат, копошатся, выписывают радостные петли над нечаянным счастьем.

Я смотрю на пол, на гильзы, рассыпанные по полу осенними листьями. Гильзы от стандартных армейских патронов.

Ни на ком из лежащих в клетках нет военной формы. По меньшей мере двое одеты как врачи из операционной.

У меня в голове не укладывается. Злые инопланетяне, мой спаситель, вышибающий себе мозги, тварь на крыше... и вот теперь массовый забой чертовых штатских. Остолбнев, я не сразу обращаю внимание на новую яркую иконку, мигающую в левом верхнем углу. Ощущаю только легкое раздражение, будто вспомнить силушь что-то и не могу. Секунд пять стою дурак дураком, пока наконец не догадываюсь глянуть на чертову иконку. Как только сосредотачиваюсь на ней, она прыгает в самый центр и принимается вещать: «Отыщи Голда, Натана Голда. Это все, что я могу теперь сделать, ты – это все, что я могу сделать. Прости, брат, прости, я уже весь. Оно теперь на тебе, всё до конца».

Ощущение, будто по главному яблоку ползет:

*Голд, Натан
Саут-стрит, 89, Нью-Йорк,
штат Нью-Йорк*

Моя первая реакция: да вы что, спятили? Да какое мне дело?

Но ведь это последнее желание Пророка. Конечно, я могу просто развернуться и отправиться подальше. Но могу не развернуться и не отправиться. Я жив только благодаря человеку, чей труп лежит сейчас за моей спиной. За мной должок. Кроме того, у меня нет связи с начальством, команду мою перебили, и ни черта не понятно, как и почему. Так отчего бы не начать с Натана Голда? Наверняка он хоть что-то знает. В общем, пойду-ка поговорю с мистером Голдом.

А чем еще заняться? Трупы подсчитывать?

Но тут оказывается: я заперт! Окна закрыты, да они и высоко под потолком, двери завалены и подперты тяжеленными контейнерами. Кое-где баррикады у дверей – попросту кучи мусора, но местами видно: специально городили, спасаясь от угрозы извне. Я карабкаюсь через мешки с песком и мешки с трупами, вышибаю двери контейнеров, копаюсь в ящиках. Нахожу два трупа в костюмах химзащиты, перевернутые столы, микроскопы, термоциклеры и эти крутящиеся штуки, как бишь их – да, центрифуги. Все разможено, расплющено, разбросано по растрескавшемуся цементному полу. Нашел даже пару годных пистолетных магазинов. Куда ни двинусь, туда же и жуткие шаги над головой. Хотя не совсем шаги. Прислушавшись, понимаю: такт совсем другой, не ноги это, ступающие по очереди.

Но в конце-то концов, раз Пророк притащил меня внутрь, должен же быть лаз наружу? Только я найти его не могу.

Явно, нанокombineзон-2.0 не совсем подходящий коктейль в мои мозги закачал. Ведь ответ-то очевиден, он прямо над моей бестолковой головой, минут двадцать уже стучится в рассудок. А я то ли безнадежно тупой, то ли ошалелый вконец.

Но все же дошло.

Богом клянусь, лезу по лестнице – а тварь на крыше прямо джигу отплясывает, радуется.

Перехват радиосообщения (дешифровано) от 23/08/2023, 09:35

39,5 МГц (гос./част. совместная полоса, наземный передатчик).

Предположительный источник сигнала: оперативное командование ЦЕЛЛ.

Перехватчик в Бэттери-парке: аноним (передано Эдвардом «Эдди» Ньютоном, радио «Манхэттен»).

Голос № 1: Это «Кобальт-семь». Думаю, он сюда пошел. Рассыпаемся, ищем.

Голос № 2: Э-э, на связи «Кобальт-четыре». Получили съемку из ангара. Оно так быстро движется! Никогда такого не видел.

Голос № 3: Какого хера мы здесь возимся? Он один из них?

Голос № 4: Солдат, это не твое дело. Твое дело – не рисковать лишний раз, понятно? Как только увидишь – вали на месте.

«Кобальт 4-А»: Глазам не верю! Всех завалили: и «неотложку», и докторов, и наших. Никого не оставили!

Голос № 4: Будьте начеку. Не забывайте про карантин. Видите движущееся – валите на месте.

Пауза 47 секунд. Нижеследующий диалог, по-видимому, попал в эфир случайно, возможно из-за отказавшего переключателя.

«Кобальт 4-Б»: Думаешь, он сбил цефовский корабль?

«Кобальт 4-А»: А мне откуда знать? Я, по-твоему, похож на гребанный осьминогий студень в скафандре? Я что, с ними на линии?

«Кобальт 4-Б»: Да ладно тебе, я только хотел сказать, это ж не мы сбили. А если это он, тогда...

«Кобальт 4-А»: Что тогда???

«Кобальт 4-Б»: Ну, враг моего врага, и всякое такое.

«Кобальт 4-А»: Враг моего врага не ломает своих направо и налево.

«Кобальт 4-Б»: Своих, значит, не ломает, ага?

«Кобальт 4-А»: Слушай, хватит, в последнее время тут столько всякой дряни шляется, что... э-эй, что это?

«Кобальт 4-Б»: Что?

«Кобальт 4-А»: Вон там, у набережной, на крыше! Это осьминог?

«Кобальт 4-Б»: Да, урод этот.
«Кобальт 4-А», выдыхая удивленно: Здоровенный!
«Кобальт 4-Б»: Да нет же, смотри, их двое!
«Кобальт 4-А»: Уверен, похоже...
«Кобальт 4-Б»: Да двое их! Выглядят как один здоровенный монстр, потому что сцепились...
«Кобальт 4-А»: Что они там делают?
«Кобальт 4-Б»: Да они дерутся, брат, друг с дружкой дерутся!
«Кобальт 4-А»: Какого хрена им драться?
«Кобальт 4-Б»: Братан, ты глянь на меньшего – это ж человек!
«Кобальт 4-А»: Не, экзоскелет. Они ж внутри – студень.
«Кобальт 4-Б»: Я на него настроился, он точно не студень!
«Кобальт 4-А»: Мать твою, это наш! Это же Пророк!
«Кобальт 4-Б»: «Кобальт-Старший», «Кобальт-Старший»! Мы засекли Первейшего! Повторяю, засекли...

Источник прекратил трансляцию в 09:38, 23/08/2023.

Вот оно теперь как. Ни тебе изошренного музыкального языка и знаков, ни парней с шишками на лбу, вещающих: «Соппротивление бесполезно!», «Склонись перед Гадом Великим!». Никаких сексуальных инопланетных королей улья, занимающих героя анальным сексом в то время, как ее подручные шинкуют в котлету земных ребятишек. Вообще никакой болтовни, не считая вопля, испущенного при виде меня. Заикающийся такой гулкий хрип, будто дешевый синтезатор пытается булькнуть.

И затем инопланетный красавчик выдает все, на что способен!

В первую секунду я поражаюсь, насколько по-человечески оно выглядит. Конечно, в ногах чересчур много суставов, а в руках вообще нету – вроде сегментированных щупалец с кистями на концах, как у Доктора-Осьминога из фильма «Человек-Паук». Но их две, и на положенных местах. Наверху торчит что-то вроде шлема, со сгустками оранжевых огней на месте глаз. Оно целиком металлическое, и я думаю: «То ли доспехи, то ли боевой робот».

Оно стреляет в упор, и я валюсь на спину. Я уже должен быть трупом, но я не труп. Оно прыгает гребаной пантерой, миг – и уже нависло надо мной, и я вижу тело внутри доспехов: серое, полупрозрачное – ровно медуза. Расплывчатые оранжево-коричневые комки внутри – наверное, органы. Из спины высовываются четыре толстых щупальца, и шевелятся при том. Я думаю: «И что ж это за хренова броня, все брюхо наружу торчит», а другой частью мозгов в это же время сам себя урезониваю: «Придурок, да эти кишки – последнее, что ты в жизни увидишь, потому что уже грязь жуешь и лежишь на лопатках». Я и выстрелить не успел, оно застигло меня врасплох, сшибло, и я теперь как жук, перевернутый пузом кверху. И тут уже был бы конец игры, но тварь вдруг замешкалась.

Голову склонила, или как там называть эту клиновидную хрень с огоньками. Нам показалось: вроде приноживается оно, втягивает воздух, стараясь распознать странный новый запах. А нам только того и надо: пара секунд промедления, нерешительности – и мы тут же быка за рога!

То бишь не мы – я себя одного имел в виду. Сую пистолет в серый студень и принимаюсь палить. Гад отскакивает, издает свист – холодный такой, будто от зимнего ветра, я на ногах в мгновение ока, тварь снова поднимает пушку, но я наготове, блокирую, бью в ответ – и не думаю даже, как оно получается. У комбинезона свои рефлексy, усилители, умножители движения. Дрожь в пальцах превращается в хук справа. Комбинезон почти и не ждет моей реакции, клянусь – без малого, он двигает мною! Я хватаю инопланетного выроodka, поднимаю над головой и швыряю с крыши, как тряпичный мячик.

Вот тебе, сука, будешь по крыше ходить, железом грохотать! Вот тебе, тварь клозетная, будешь знать, как за дверью прятаться!

И о чем Пророк трепался, а? Да этот комбинезон – потрясная штука!

Совершенство

Когда мы, компания «КрайНет», выпустили «нанокombineзон-1» четыре года назад, мы описали его как «совершенные боевые доспехи». И это было не просто наше мнение: за неполных пару месяцев Н-1 стали излюбленными доспехами пехоты вооруженных сил и квазивоенных организаций по всему миру. Н-1 удостоился беспрецедентного рейтинга 9,8 от «Городского миротворца» и завоевал престижную «Платиновую премию Джейн» за технологии поддержки пехоты. И потому перед командой «КрайНет» встала своеобразная проблема: как же усовершенствовать совершенное?

И на этот раз мы усовершенствовали солдата!

Конечно, сам комбинезон мы тоже не оставили без внимания. Наш последний продукт оснащен новейшими, пионерскими разработками, чего Вы, безусловно, ожидаете от «КрайНет»: экранирующий керамический эпидермис, динамическое фарадеевское экранирование для непревзойденной защиты от всплесков электромагнитного поля, высочайшего качества и эффективности противоточные теплообменники, позволяющие сохранять нужную температуру и посреди чудовищного пожара, и посреди лужи жидкого кислорода. «КрайНет» всегда на переднем крае науки – и, возможно, немного впереди.

Но машины усовершенствовать может каждый. Именно на солдате, находящемся в машине, сосредоточены интересы компании «КрайНет», именно он – наш главнейший приоритет. Человеческий разум всегда был могущественнейшим оружием усиленной пехоты – и ее величайшей слабостью. Сколь бы ни был могуч разум, велика отвага солдата – в костюмах находятся всего лишь обычные смертные, мужчины и женщины из плоти и крови. Они могут устать, могут дрогнуть перед лицом многократно превосходящих сил противника. И даже самые храбрые и решительные могут заколебаться на долю секунды – а именно она способна отделить победу от поражения. Солдаты – всего лишь люди. Наша технология могла защитить их от угрозы извне, но не от человеческой слабости.

Теперь это в прошлом.

Впервые доспехи не только защищают солдата, но и улучшают его: делают невосприимчивым к страху и усталости, избавляют от необходимости спать, передают телеметрические данные в реальном режиме времени прямо в мозг. «КрайНет» создала нечто, превосходящее и человека, и машину, нечто, стоящее над ними, обладающее их силой, но не страдающее от их слабостей.

«КрайНет» создала «нанокombineзон-2»!

Совершенство в квадрате!

Конечно, если бы я знал тогда, на что способен Н-2, то поисками лестницы не озабочился бы. Прошиб бы стену, да и вышел. Век живи – век учись.

И вот я один на крыше. Середина утра, солнце уже высоко, ветер разогнал облака. Мир вокруг меня дымит, дрожит и колыхается и выглядит как сущая преисподняя. Внизу огни дотлевают, среди них пара танков явно не в боевой готовности, один еще пылает вовсю,

другой перевернут. На крошево смотрит позеленелая статуя конного солдата – памятник тому, как мы в очередной раз навалили кому-то на его же задворках.

А барабашка мой исчез. То бишь после пуль, моей взбучки и падения с четвертого этажа запросто встал и ушел. Крепкий гад, хотя и студень.

Слева вверху я все еще вижу заданьце: «Саут-стрит, 89, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк». Перед глазами маленький синий шестиугольник, магический компас, указывающий с неизменной точностью на Саут-стрит, куда б я ни повернул. И расстояние, какое нужно топтать в указанном направлении.

Гляжу на иконку, и в левом нижнем углу разворачивается карта. Я все еще в Бэттери-парке. Черт, я почти и не в нем, а на самой границе, у набережной. Если верить базе данных, на старом таможенном складе. Сразу к востоку парк заканчивается и начинается город. Чтоб отделить одно от другого, выстроили стену из бетонных блоков, эдакую пирамиду из серых глыб, наверху – спирали Бруно. С другой стороны на пятнадцатом этаже тридцатизэтажного здания между балконами натянута простыня с надписью: «Помогите!»

Я спускаюсь.

Я еще многого не знаю про свою вторую кожу. Однако она помогает – режим у нее тренировочный, подключается по умолчанию, подменю мне подсказывает, как защиту усилить и как скорость увеличить. Таким образом, обучаясь на ходу, я и двигаюсь среди опустошения, произведенного врагами, умеющими летать между гребаных звезд. Учусь красться незаметно. Светящиеся иконки и нити-указатели ведут меня среди воронок и трупов.

В углу мерцают новые иконки: голосовой интерфейс, если не ошибаюсь. Ну да, комбинезон голосом Пророка сообщает: парк, мол, целиком отгорожен. Ограда под высоким напряжением, ворота на запоре, у ворот автоматические пулеметы, запрограммированные стрелять без промедления. Намекает осторожно: дескать, и в нанокомбинезоне могу не выдержать, принимая во внимание мое, хм, «неоптимальное» состояние.

Светящие нити складываются в новую конфигурацию, указывают на древнее круглое строение посреди парка. База данных услужливо выдает название: «форт Клинтон». Это единственный путь наружу. Никогда раньше про такую хрень не слышал. Я и президента-то почти не помню.

Вы не забывайте: когда дело касается местной политики, я пока еще лох полный. Знаю: в общем, дело дерьмо, но насколько оно дерьмо персонально для меня – понятия не имею. Еще живу в розовеньком уютном мирке, где достаточно показаться на ближайшем КПП, намалевать на стене личный номер, и санитары резво притащат прямо к дверям Натана Голда. Я еще думаю, что инопланетяне – откуда бы и зачем бы они ни явились – заставят нас позабыть о мелких дрызгах и объединиться против общего врага. Ну конечно, все мы теперь союзники, если не закадычные приятели.

Но у Н-2 свой коммуникационный центр, и он может не только дешифровать трансляцию, но и сообразить, что из эфирной болтовни имеет прямое отношение к текущей миссии. Я по-настоящему впечатлился, когда Н-2 впервые начал такое выделять, ничего себе техника реконструкции голосов, но экстаз мой испарился в одно мгновение, когда я понял: меня завалить собираются!

По правде говоря, убить хотят Пророка, но не знают, что он уже никому хлопот не причинит, и потому охота идет на любого в комбинезоне с искусственными мышцами. Комбинезон числится «биоугрозой». Так Локхарт говорит. Не знаю, кто такой Локхарт, но он тут явно большая шишка. Да и большинство пехоты здешней, похоже, все равно начнет по мне палить изо всех стволов – судя по трепу в эфире, Пророк их больше завалил, чем инопланетяне.

Голова кругом идет: что тут вранье, что правда? Умеет фальшивый Пророк подслушивать, ничего не скажешь, но если б он еще умел и пояснять... Гонит бодягу, я не разгребаю. Одно понял: со здешними ребятами особо не закорешься. Может, залечь в дыре поглуше,

связаться да и договориться обо всем с безопасного расстояния? Пытаюсь прокашляться, выговорить, пробы ради, пару слов. Из глотки – ни звука.

Интересно, как просемафорить «Не стреляйте»?

«Кобальт-4» не отвечает – и в этом тоже винят Пророка. «Кобальт-7» нашел тела на берегу, солдаты говорят, морпехов это, из частей спецназначения. Но больше выживших нет. Эй, недоноски, там же мои ребята, и насчет них мне известно доподлинно: что б ни делал Пророк до того, как мы обменялись жизнями, к их смертям он отношения не имеет.

Постойте-ка: больше выживших нет?

Если еще кому из моей группы повезло спастись, разрулим дело запросто! Значит, айда в форт Клинтон!

На земле валяется разнообразный хлам. О, гляди-ка, дробовик «шакал», полуавтомат, с виду совсем непопулярный. Пригодится! А вот и останки – рука и туловище – хозяина, его совсем не пользовавшего. Хозяин военной формы не носил, верней, носил что-то вроде, но не настоящее армейское.

А-а, это ЦЕЛЛ – крайнетовская служба безопасности и локальной транспортировки.

Знаю я этих парней. Психованные недокопы с амбициями и такой горой вооружения, что можно оснастить страну вроде Франции. По сравнению с ними любой «дикий гусь» – ура-патриот. Кто ж, интересно, им позволил здесь заправлять?

Пробираюсь через лабиринт палаток, пластиковых временных ангаров цвета малой нужды, на боках намалеваны красные кресты и эмблемы «скорой помощи». Заглядываю внутрь: несколько кушеток, на полу стойка для капельниц валяется, в углу – куча скомканных простыней, испачканных кровью и слизью.

Форт Клинтон торчит рыжим останцем сразу за брошенным госпиталем. Древняя кирпичная штука, явно видывала она и лучшие деньки, но ведь стоит еще. Я приближаюсь к ней сзади. В эфире слышен женский голос, пустоватый такой, успокаивающий, бодренький – точно служба объявлений в супермаркете. Но разобрать не могу, что говорит, – эфир забит трепотней обо мне, как все меня в клочья раздерут, едва покажусь.

За углом чьи-то сапоги давят асфальт. Я ныряю за еще один военный памятник, гранитный клин с дыркой посередине, и тут является хозяин сапог, на плечах его сидит паучья голова со светящимися оранжевыми глазами – новомодный шлем на всю голову с квадрооптическими линзами и встроенным респиратором. Не иначе, парнишка считает себя крутым стрелком, весь в патронташах, световых гранат понацепил – на лоточника больше смахивает, чем на машину для убийства. Расстегивается и начинает мочиться на стену. А я думаю: самое время испытать маскировку Н-2. Упираюсь взглядом в иконку и наблюдаю, как мои руки растворяются.

Но не только руки! Подобранный дробовик тоже растворяется!

Что это значит, доходит не сразу. Я с учебки покрытием камуфляжным не пользовался, не надевал, но принцип знаю: быстрая фрактальная подгонка контуров и цвета, байесовская свертка, размытие. В принципе, то же самое, что осьминог делает, когда хочет замаскироваться. Но на «шакале»-то покрытия нету, и на подобранных магазинах и прочем барахле тоже – а все вместе стало прозрачней стекла. Единственная штука, способная на такое – ну хотя бы теоретически, – это поле, изменяющее вокруг меня индекс преломления. Но чтоб искривлять свет настолько, нужны циклотронный магнит и ядерный реактор, выдающий нужную мощность.

Из какой же гребаной секретной лабы это чудо вылезло?

Выхожу из-за памятника (надпись на постаменте гласит: «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ» – прям в тему, честное слово), а наемник как раз застегивается и оборачивается. Смотрит сквозь меня, потом топает, откуда пришел, невинно и безмятежно.

А я тем временем едва не попадаюсь. В левом нижнем углу есть полосочка маленькая, и становится она все меньше, краснеет. Когда совсем покраснела, я ее и заметил, а тогда уже и тень начал отбрасывать. Едва успеваю спрятаться за клином, когда отключается невидимость.

Пописавший солдат замедляет шаг, оборачивается, нечленораздельно бурчит и движется дальше.

Ага, насколько нас хватает? На двадцать секунд? На тридцать? Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Хотя полосочка ползет обратно, комбинезон перезаряжается.

Кто-то вопит.

Нет, не просто «кто-то» – это Парчман, мой кореш, парень из моей команды! А потом стреляют, и он перестает кричать.

И крик, и выстрел донесли из замка.

Комбинезон еще не успел перезарядиться, но я уже двигаюсь, скольжу вдоль кирпичной стены. Задерживаю взгляд на открытой платформе, припаркованной перед входом, – на ней груды тел.

Некоторые – в камуфляже.

За поворотом лязгают тяжелые ворота, и я прижимаюсь к стене. Пара паукоголовых наемников стаскивают Парчмана по лестнице и скидывают на платформу, будто гребаный мешок с песком. У Н-2 хорошая оптика, могу увеличить, но мне и без увеличения видны ожоги на руках Парчмана, порезы на босых ступнях. Я такие отметины видывал. Обычные следы допросов, не вполне вписывающиеся в международные правила. В учебке нам про них походя рассказывали. А что, дело обычное, плевое, все этим занимаются.

Правда, об аккуратных круглых дырах на виске не рассказывали ничего.

Наемники направляются домой, треплются по пути о «дерьмоголовых» и мокрощелках. Ворота оставляют открытыми: пара здоровенных створок, вделанных в арку, по сторонам большие прямоугольные колонны – будто из игры про гладиаторов. Такой у них персональный Колизей.

Ну, если уж они так захотели зрелищ...

Я снова включаю невидимость и шагаю прямо сквозь ворота форта Клинтон, сквозь кольцо разоренных офисов и разбитых ларьков. Оказываюсь в круглом внутреннем дворе, заставленном ящиками и коробками, с расставленными вдоль стен пушками восемнадцатого столетия – наследством туристского сезона, – парой испятнанных кровью дощатых лежаков с приделанными кожаными ремнями в местах, где должны быть руки и ноги лежащих. Рядом толпа «целлюлитов» – выпендриваются друг перед другом, кто, мол, первый засранца Пророка завалит.

Затем полосочка заряда краснеет, комбинезон делает «ш-ш-ш», и в мире становится очень тихо.

Я смотрю на себя – вот он, красавчик!

Не знаю, сколько здесь крайнетовских подонков. Дюжина, две – неважно. Да хоть гребаный полк – мне наплевать. Я – смерть, я – четыре всадника Апокалипсиса, меня невозможно остановить. Я – морская пехота, я годами тренировался сцепляться с врагом вплотную, и вот он, враг: тупоголовые недовояки, хорьки-наемники, выброшенные за профнепригодностью погранцы, задроты с непомерными амбициями, дрянь, никогда не клявшаяся в верности ни стране, ни делу, убивающая за того, кто даст больше денег. Я вспоминаю раздавленные палатки, поломанные носилки, клетки, полные трупами гражданских. Вспоминаю изувеченные тела моих братьев по оружию. Это не просто мой священный долг – избавить Землю от этих гадов – это удовольствие. Я могу разносить в клочья таких весь день, а потом всю ночь танцевать, я...

Я убью их всех, всех!

Подумать только: если б позволил комбинезону подзарядиться чуть дольше, если б невидимость требовала чуть меньше ресурсов или если бы я двигался чуть быстрее – я бы пропустил все это. Я бы прошмыгнул сквозь форт и выбрался из парка, не пролив и капли крови. А жалко было бы, правда?

...Это все комбинезон. Он во всем виноват.

Маленький помощник Санта-Клауса

Для приспособления к стремительно меняющимся условиям современного боя, для импровизации перед лицом неизвестного и непознаваемого человеческого мозг пока еще лучше любого компьютера. Но в усвоении и обработке данных, поступающих одновременно по тысячам каналов, ему нужна помощь.

Вот тут на сцену и выступает самоопределяющаяся автономная нейротактическая амплификация искусственного интеллекта нанокомбинезона-2.0. Питаемый поступающей из крови глюкозой и дополнительной электролитической водородной батареей, служебный биочип десятого поколения, на основе ядра из 10^{13} синапсов, обрабатывающий данные с невероятной скоростью в 1,5 килоМОПС. САНТА¹ мгновенно сводит данные телеметрии и ближнего восприятия, поступающие от шести тысяч каналов данных: от электромагнитного излучения почти во всем спектре до акустических, барометрических и даже феромонных – и выдает точный, краткий и простой анализ обстановки, а также тактические рекомендации через интегрированный биоинтерфейс прямо на визуальный кортекс. САНТА может также взять на себя регуляцию функций нанокомбинезона и выбор действия в том случае, когда оператор не вполне функционален либо когда требуемые обстановкой действия не согласуются с нормальными реакциями Н-2.

Но самое новое и удивительное свойство САНТА – это способность не только следить за эмоциональным и физическим состоянием солдата, но оптимизировать эти состояния ради успеха. САНТА непрерывно регулирует уровень дофамина, лактата и кортикостероидов, предвидит негативные стрессовые реакции, усталость и предотвращает их прежде, чем солдату захочется зевнуть.

Но САНТА не только ослабляет и устраняет негативные реакции – он активно усиливает позитивные! В организме поддерживается оптимальный уровень адреналина, гамма-аминобутирата и трициклов, обеспечивая наилучшую реакцию, чувствительность к внешним сигналам и положительное эмоциональное состояние. Ваши солдаты будут исполнять возложенную на них миссию без усталости и с неколебимым упорством и решительностью дни и ночи напролет!²

Когда САНТА на поле боя, каждый день – Рождество!

---

¹ *Фил:* Отдел маркетинга сомневается в пригодности этой аббревиатуры. Считают, что потенциальные потребители могут не понять иронии. Поэтому они предлагают что-нибудь менее вызывающее, например: «быстродействующий оптимизатор боевого регулирования» (БОБР). И верующих христиан не будет затрагивать – если не ошибаюсь, Санта у них вроде святого. *Том:* Может, нам убрать это зычное «хо-хо-хо» при загрузке?

² Продолжительное функционирование в режиме боевой оптимизации не рекомендуется. Длительное воздействие агонистических нейроингибиторов может привести к серьезным нарушениям метаболизма. Для сохранения долговременного боевого потенциала солдат необходимо регулярно кормить и предоставлять им отдых.

Харибда

Из Бэттери-парка я выбрался, как через китовые кишки прополз.

Сперва увидел загончики для гражданских, такие же, по каким коров на бойню гонят, штук пять или шесть. Надписи – ничего вызывающего, успокаивающие пастельные тона – обещают быструю и неизбежную эвакуацию всем, кто будет молодцом и терпеливо дождетс своей очереди. Закольцованная запись с женским голосом – я ее уже слышал – так же спокойно, уверенно, ободряюще и нудно вещает то же самое ради слепых, неграмотных и членов гильдии дикторов-озвучивателей.

– Если чувствуете себя неважно, немедленно покажитесь медицинскому персоналу. Успешное лечение манхэттенского патогена возможно лишь при ранней диагностике. Военное положение объявлено ради вашей защиты. Силы корпорации «КрайНет» действуют в рамках полномочий, данных им правительством США. Сохраняйте спокойствие! Сохраняйте спокойствие! Сохраняйте спокойствие!

Ну конечно, если какой гражданский вздумает артачиться, в запасе всегда имеются кардинальные меры. Видел я эти меры на складе в порту. По пути к выходу встретилась мне пара-тройка отставших «целлюлитов» – бедняги торопились на вечеринку в форт Клинтон. Со всех ног бежали, старались успеть.

Я им помог.

В конце скотозагончиков на столе мирно искрит рабочая станция для обработки документов. Если б они у меня и были, бедная машина явно не смогла бы их обработать. Световые указатели и веселенькие стрелки наводят на желтый люк с крошечным окошком на уровне глаз и значком биологической угрозы под ним. Заглядываю сквозь окошечко в туннель из блестящего пластика, тугой, округлый, как из надувного домика для игр. Богатенькие папы дарят такие четырехлетним балованным чудовищам.

На стене справа – электронный замок. Понятия не имею, каким кодом дверь открывается, но Н-2 поощряет применение грубой силы в тех случаях, когда без нее обойтись трудно. Выдираю дверь, меня обвеваает потоком воздуха, а туннель начинает проседать.

Плохи дела. Я про надувные дезинфекционные туннели наслышан. Повышенное давление в туннеле предназначено всего лишь для защиты от нежелательных микробов, а не для поддержки всего строения. Между внешними и внутренними стенками туннеля должен быть накачан сжатый воздух. Если же туннель проседает от открытой двери, значит, стены дырявые.

Вид, как я уже говорил: будто ты в китовых кишках. Солнце через стенку кажется кроваво-оранжевым, как сквозь закрытые веки. Стены словно дышат вокруг, у ног вздуваются пузыри – мой вес перегоняет воздух. Иные секции почти целы, можно стоять выпрямившись, другие настолько сдуты, что приходится ползти на четвереньках через складки колышущегося ПВХ. Из запятанных распылителей льется дезинфектант, заливает мне стекло шлема. Тут Успокаивающий Голос звучит уже по-новому, уговаривает «перейти в следующую комнату по звонку», затем «оставаться спокойным и следовать за докторами», если прозвучит сигнал тревоги. И намекает на серьезные последствия для того, кто будет «препятствовать медицинскому персоналу либо охране».

Но не слышно ни сигналов тревоги, ни звонков, только бесконечная, до белого каления доводящая тирада закольцованной Уверенной Спокойной Дамы, а в паузах – шорох сдувающегося туннеля да еще быстрое шебуршение...

Стоп: шебуршение чего?

Что-то бежит по моей ноге. Что-то размером с буханку шлепается на лицо, и я успеваю на мгновение увидеть то ли миниатюрный пожарный шланг, то ли здоровенную иглу

для инъекций, штуки вроде сверкающих скальпелей делают «тра-та-та» о мой шлем. Я поднимаю руку – понимаете, чисто защитная реакция – и едва не луплю себя по шлему. Не луплю, потому что вспоминаю древнюю мудрую загадку: «Если устрашающая мощь искусственных мышц Н-2 встретится с устрашающей же защитой лицевого щитка шлема Н-2, кто выиграет?» Честное слово, не знаю, кто выиграет, но уверен: проиграет именно тот, на ком нанокombineзон Н-2. В лучшем случае размажу жучиные кишки по всему щитку, а «дворников» на нем я как-то не приметил. В худшем случае пробью щиток и размажу собственные мозги о шлем.

В последнюю микросекунду отвожу руку, дергаюсь влево, мои углеродистые наномышцы выдают черт-те знает сколько «же», тварь слетает с респиратора, я по инерции кручусь юлой, будто меня за пушку потянули и завертели, мать его, лечу наземь! Закручиваюсь, будто танцор балетный, в податливый обмяклый пластик, по всему туннелю лопается, рвется, и вот я на полу, завернутый в целлофанчик, эдакий подарочек на обед твари вроде гигантской блохи-мутанта из старого альбома Боуи.

Впрочем, блоха, не блоха, уже не важно: я на нее приземлился, и под моим задом она лопается с хрустом, точно буррито³.

Я приподнимаюсь, сажусь, выдираю себя из пластика и проламываюсь к выходу. Кажется, за пластиком скользят тени чего-то величиной с тряпичный мяч, а то и с кокер-спаниеля. Или это мое воображение? Валиумная дама все так же убеждает меня оставаться спокойным, терпеливо ждать и двигаться вперед по звонку. Но теперь ее голос почему-то звучит чуточку злее. И когда я слышу в сотый раз: «Успешное лечение манхэттенского патогена возможно лишь при ранней диагностике», мне хочется расхохотаться. Да уж, оно отлично звучит, про «компетенцию медперсонала» и «эффективный карантин», когда прямо в центре дезинфекции гуляет стая чернобыльских кровососущих мутантов.

Эй, Роджер, оно не сработало – хотя попытка была неплохой.

Знаешь, я тебе верю. Я мгновенно догадываюсь, когда ты врешь, а если б и не мог, то твои боссы наверняка не сказали тебе почти ничего, потому что они боссы, а ты – мелкая сошка. Позволь объяснить: они только что попытались дистанционно отключить мой комбинезон через резервный оптический канал на длине волны две тысячи нанометров. Видишь вон там маленький зайчик от лазерного луча, мигающий в вентиляции?

Конечно не видишь – не можешь в инфракрасном свете.

Тут какая закавыка: волна у радиосигнала длинная, от нее всегда можно экранироваться. Вот с волной покороче намного трудней. Ее с пути не собьешь – пучок света и в циклотроне едва отклоняется, – а мы пока еще с черными дырами воевать не научились, пока что ты видишь мишень в прицел, и все ОК.

Потому «КрайНет» решила устроить канал аварийного отключения в инфракрасном свете, на тот случай, если чудесный нанокombineзон попадет в руки злодею, ну станет служить злу вместо добра. В общем, посвети нехорошему дяде на лицевой щиток лазерком, и комбинезон скажет ему «до свидания».

Но мой не сказал. Ты, парень, не думай, что это они ради тебя старались. Если б они и вправду считали старину Роджера Джиллиса ценным кадром, они б тебя сюда не послали. Боссы твои попросту захотели взять ситуацию под контроль, но не учли милой особенности эвристических боевых систем: они сделаны для того, чтоб приспосабливаться к меняющейся обстановке, – вот они и приспосабливаются. Отвечают контрмерами на ваши контрмеры.

---

³ Буррито – мексиканское блюдо, состоящее из мягкой пшеничной лепешки (тортильи), в которую завернута разнообразная начинка. (Прим. ред.)

Да не тревожься ты так! Ты не виноват, ты и понятия не имел. Знаю я эту механику, поменял совсем немного. Если б я был на месте твоих боссов, попробовал бы то же самое. Посмотрим, учатся они на своих ошибках или нет.

Ох, мать, Бэттери-парк по сравнению с остальным Манхэттеном – будто выстриженный ухоженный газончик.

Огонь повсюду: горят заброшенные авто, по кюветам бежит горящая нефтянистая жижа, пламя вырывается из раскошенного стеклянного фасада на пятнадцатом этаже, опаленные, почернелые деревья – два ряда обугленных скелетов вдоль тротуаров – трещат и хрустят. Одно валится на улицу, вздымая облако искр. Даже чертов асфальт дымится. За мной на Стейт-стрит остаются отпечатки, будто по пляжу иду.

И повсюду – тела.

Знаешь, видал я войну. Едва записался в морпехи, перед тем как случилась заварушка на Лингшане, нас послали на Шри-Ланку, хотели подчистить после бунтов. Я видел мертвцов, лежащих кучами выше человеческого роста, видел сгнившие страшные трупы и мух, которые на них расплодились, – на полметра ничего не видать в черной жужжащей туче. Дома я знавал парнишку, Ники, он нюхнул порошу во время Аризонского восстания. Его колотило от звука «молнии» всякий раз, как приятели застегивали ширинку, – вспоминал, как застегивается мешок для трупа. А я глумился: мол, девка ты сопливая. Тебе пришлось чехлить жмуров? Мешок на каждого? Да мы целые деревни сжигали, чтоб холеру опередить. Воняло так, что и респираторы не помогали. Приходилось кислород на хребте тащить, по земле шагать, будто астронавты гребаные.

Знаешь, Роджер, – в Манхэттене было хуже.

Ну, знаю, знаю, по записям так не кажется, и мне так не казалось вначале. Трупы валяются там и сям, будто палые листья или плавник на берегу. И вонь не то чтобы очень, конечно, сомнения нету – мертвечиной дышишь, но это не Шри-Ланка, ни по какому счету. Не так тепло, не так влажно, тела лежат редко, и не так уж тянет выметать обед наружу. Никакой критической дохлой биомассы, сваленной в одном месте.

Но это дерьмо будто подкрадывается сзади и шибает по мозгам. Сильно шибает.

Это от спор. «Манхэттенская дорожка», «синдром тряпичного мяча» и прочее, прочее – я слышал с дюжину названий этой гадости. Любит она глаза, рты, открытые раны, слизистые оболочки. Я видел бедолагу, буквально разорванного пополам, пузыри и выросты – мицелий они называются, так? – из него перли лавиной, прям оттуда, где легкие. А я, помню, думал: «Эх, братан, хоть бы эта гадость попала в тебя уже после смерти, медленно подышать от удущья – очень уж невеселый путь на тот свет».

И не все они были мертвые, целиком мертвые, я имею в виду. Шевелились: то нога дернется, то пальцы, будто тик нервный. Может, это рефлексы остаточные, как у отрезанной лягушачьей ноги, когда батарейку подсоединишь. Может, споры просто закоротили двигательные нервы и заставили дергаться и корчиться, пока клетки не выработают всю энергию? Хотелось бы думать, что это не так. А-а, так или нет, я парень крепкий, я выдержу.

Знаешь, я ведь почти сломался. И что меня проняло хуже, чем на Шри-Ланке?

Их лица – конечно, у кого они еще остались.

На стольких застыла счастливая улыбка...

Да, пардон – уплыл я, о своем задумался. Как у вас оно называется? Состояние фуги?

Ко всему привыкаешь, знаешь ли.

В общем, я в нескольких минутах от Бэттери-парка и слышу голос в голове: «Эй, Пророк? Братишка, ты здесь? Возвращайся!»

Первая мысль: пригнуться, бежать в укрытие. До сих пор я перехватывал только, мягко говоря, недружественные послания. В дупель и в бога душу мать. До меня и дошло не сразу, что на этот раз не мою задницу призывают рашпилем обработать – здороваются со мной.

– Эй, Пророк? Братишка, ты здесь? Возвращайся!

И я возвращаюсь в наш гребаный мир, возвращаюсь к полуразваленным каньонам Манхэттена. Оно и к лучшему – тут не место для галлюцинирующих психов, пусть и одетых в нанокombineзон-2.0 от «Крайнетовских боевых проектов», крикнули, экран мигнул – и я снова дома.

– Эй, Пророк! Это Голд. Возвращайся!

Голд? Голд! Парень, я же ищущу тебя. У меня для тебя послание от...

– Дрянная линия накрылась, ты из поля зрения выпал на целых четыре часа! Не знаю: или прототип глючит, или кто-то глушит частоту. У тебя в окрестности глушилки работают?

Ответить не могу, но и не требуется.

– Ладно, неважно, возвращайся в лабораторию как можно скорее. Тут дела пахнут настоящим дерьмом. Зараза повсюду, гражданских жалко. Крайнетовская команда отстреливает их, где только встретит. Я заметил и парочку цефов. Эй, если ты в центре, иди через метро, там безопаснее будет, чем на поверхности. Надеюсь, ты приведешь морпехов.

Наверное, кто-то и в самом деле глушит, потому что иконка Голда начинает мигать, и – упс: «Нет связи». Но магический шестиугольничек компаса еще висит на прежнем месте и потихоньку смещается. Мне больше не нужно топтать по догорающей Саут-стрит с валяющимися деревьями, новый курс – на несколько градусов северо-западнее. Вижу на карте новое место назначения: судя по каркасу, бывший склад – наверное, теперь переоборудованный под лабораторию Голда. Ведь мельком только упомянул – а БОБрик мой уже все просчитал и маршрут уточнил.

Я слегка напуган мощью штуки, в которой сижу. И которая сидит во мне.

Не прохожу и пары кварталов, как натываюсь на группу зараженных. Эти уж точно живые – идут или, по крайней мере, пытаются идти. Один ползет на четвереньках, едва поспевая за остальными. Другая на ногах, но ступня оторвана, женщина ковыляет, опираясь на обрубок. Как-то они ведь договорились, куда идти, как-то определили направление. А иные и видеть-то не могут, у них жуткие выросты-клубни вместо глаз.

И крыша у них едет, это точно. Девчонка бормочет про «дурную наркоту», парень вопит непрестанно: «это не я это не я это не я». Но остальные-то улыбаются, мать вашу, как они улыбаются, добродушно так, умиротворенно, а другие разинули рты, похабно ржут, аж трясутся со смеху, и зубов у них не видно, во рту сплошь разросшаяся гниль. Шепчут то ли друг другу, то ли Господу, то ли уж не знаю кому про свет, про «возьми меня, Боже». У комбинезона есть опция «распознавание угроз», но я вижу этих бедолаг неподсвеченными – значит, безобидные. Хотя дробовик держу наготове – на всякий случай.

Фальшиво-пророческий голос вещает про «инфекцию в четвертой стадии», «клеточный автолиз», и я едва не разношу бедняг в клочья, понимаете, не от страха, от жалости. Мать моя женщина, за что ж так мучиться человеку, за что? С другой стороны, они вроде и не мучаются вовсе, и, может, не стоит патроны переводить на них?

Моя это мысль или комбинезон намекает – трудно сказать.

Тогда, вначале, различить было куда проще, чем теперь.

Рабочий отчет UNPS-25B/23: Эпидемиологический агент «Харибда»

Время и дата: 15.01 23/08/2023.

Автор: UNPS.

Адресаты: Объединенное агентство по научному и промышленному развитию, Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям, ООН. (Пометка директора департамента: «Строго секретно».)

Ключевые слова: «эпидемия», «биотический кризис», «модуль Бога», «зеленая смерть», «Харибда», «пилигримы», «религиозный позыв», «дромомания».

Юрисдикция: США/экономический альянс Западного полушария.

Идентификация агента заражения: GrEr Ag-01 (номенклатура UNPS, популярные наименования: «споры», «зараза Божья», «синдром тряпичного мяча», «экстаз» и пр.).

Категория угрозы: биологическое оружие.

Краткий анализ угрозы: нет.

Таксономия: еще не классифицировано.

Происхождение: неизвестное (внеземное), см. UNPS-25A/23 «Харибда».

Описание: агенетическое биологическое оружие, искусственно выведенный моногенерационный сапрофит.

Оценка жизненного цикла и эпидемиология: Дисперсионная фракция представляет собой округлые, с радиальными выступами споры от 0,1 до 1,5 миллиметра в диаметре, испускают их «шпили “Харибды”», часто встречающиеся в зоне поражения. Начальная стадия распространения – баллистическая, взрывная, при этом споры разносит на 50–60 метров. Дальнейшее распространение пассивное, посредством ветра, и локальное. Через три – пять часов после испускания спора становится биологически инертной, не заразной. Таким образом, зона поражения ограничена Нью-Йорком и ближайшими окрестностями.

Сохраняющие активность споры, попадая на живую (животную) ткань, прорастают, предпочитая слизистые и влажные оболочки (глаза, дыхательные пути) либо открытые раны. Хотя споры демонстрируют метаболическую активность на всех опробованных разновидностях животных, активно размножаются лишь на гоминидах. Наиболее уязвимы люди, гориллы и шимпанзе. У гиббонов, орангутангов и нечеловекообразных обезьян Старого Света споры приводят к серьезным, но, по всей видимости, не летальным поражениям. Хотя, возможно, требуется больше времени, чтобы агент заражения достиг летального уровня в этих таксонах⁴. Лемуры, долгопяты и обезьяны Нового Света, по видимому, иммунны.

Укоренившись на подходящей ткани, спора разрастается в волокнистую массу, распространяющуюся по всему телу, особо предпочитая миелинизированную нервную ткань центральной нервной системы. В этой фазе внешние изменения хорошо заметны и принимают гротескные, уродливые формы: значительно увеличиваются лимфатические узлы, на коже – многочисленные нарывы. Анализ гноя из них показал содержание лейкоцитов около двухсот тысяч на микролитр, что более чем на порядок

---

⁴ Пробы «ин витро» продолжаются. Др. Страхан направил подробно обоснованный запрос о дополнительном выделении образцов из ряда видов приматов, а также о временной приостановке действия некоторых положений «Кодекса этики эксперимента».

превышает нормальное. Абсцессы нередко имеют зеленоватый оттенок вследствие присутствия пиоцианина (несомненно, выделяемого самой спорой). В этой фазе наблюдается образование выростов, преимущественно, но не обязательно, из телесных отверстий. Выросты эти удлинённой формы, от тонких, диаметром около миллиметра, до массивных, в несколько сантиметров диаметром. Эти выросты хаотическим образом пронизаны кровеносными сосудами и состоят из гипертрофированных стволовых клеток. Механизмы, ответственные за их метастазис, исследуются в данное время. Хотя органические нарушения подобного типа, несомненно, в конечном счете приведут к летальному исходу, в большей части случаев смерть наступает от более явных причин, как то: сдавливание, закупорка и невозможность нормальной работы органов либо удушье.

Ни на какой стадии болезни агент GrEr Ag-01 не представляется заразным. Ни плодовых тел, ни других репродуктивных структур обнаружено не было. Но агент перепрограммирует поведение жертв на уровне нервной системы, индуцируя так называемую дромоманию (страсть к блужданиям), подталкивающую зараженного к скоплениям подобных ему. Приблизительно в 70 % случаев споры вызывают долговременное возбуждение участков коры мозга, ответственных, в частности, и за проявления деятельности, связанной с экзальтированным отпавлением религиозных обрядов (отсюда термин «пилигримы»). Полагаем, этим же объясняется нанесение себе увечий некоторыми зараженными. В ряде случаев они называют эти раны «стигматами». Представляется вероятным, что нанесение себе ран – это форма поведения, увеличивающая вероятность дальнейшего заражения спорами.

Перепрограммирование поведения хозяина на уровне нервной системы хорошо известно и описано среди земных паразитов (гельминтов, грибов, протозоа – например, таксоны *Dicrocoelium*; *Entomophthora*; *Sacculina*; *Toxoplasma* и прочие). Следует подчеркнуть, что когнитивные способности инфицированных «пилигримов» не страдают вплоть до стадии, когда разрастающийся агент не обездвиживает зараженных. Жертвы остаются способными вести беседу, решать сложные проблемы и проявлять иные черты поведения, свойственные дееспособным взрослым членам общества. Ущемляется лишь способность критически воспринимать религиозные убеждения, проявляется вера в «духов», глоссолалия и даже акты саморазрушения, продиктованные желанием отдать жизнь за Бога – что вполне в русле наблюдавшихся экстремальных проявлений мировых религиозных практик. Хотя агент стремительно распространяется по центральной нервной системе и мозгу, влияние его на функции центральной нервной системы проявляется очень слабо вплоть до третьей стадии заболевания.

Прогноз: Предполагаемая смертность среди зараженных людей – 100 %. Хотя не все зараженные жертвы еще умерли, не выздоровел никто. В настоящее время лекарство мы обеспечить не можем. Но относительно высокая сопротивляемость отдельных видов обезьян дает основания полагать: генная терапия может оказаться эффективной. Эта возможность в данное время интенсивно исследуется, хотя исследованиям препятствуют нехватка персонала и финансирования.

Выводы: Агент GrEp Ag-01 – явление парадоксальное. Чрезвычайно узкий диапазон возможных жертв однозначно указывает на то, что GrEp Ag-01 – биологическое оружие, спроектированное для поражения людей. Однако от человека к человеку инфекция не передается, единственный способ заражения – контакт со спорой. Для широкомасштабной атаки подобная стратегия весьма неэффективна, зона поражения не может превышать нескольких километров от «шпилей “Харибды”».

Представляется маловероятным, что создатели биологического оружия, подобного «Харибде», допустили столь элементарную оплошность. Мы предлагаем два возможных объяснения этой «оплошности»:

1. Враг заинтересован лишь в установлении локального контроля и не планирует выходить за пределы Манхэттена (и, возможно, его ближайших окрестностей).

2. Биологическое оружие еще на стадии разработки, и враг не планирует широкомасштабное его распространение. Это подразумевает, что цефы – сторонники принципа «разумной предосторожности» и не хотят глобально применять агент, не прошедший основательных полевых испытаний. В этом случае наблюдавшиеся нами ограничения и «оплошности» носят временный характер, и появление заразного варианта болезни будет означать конец испытаний.

По нашему мнению, вторая гипотеза – наиболее вероятная из двух. Заметим, однако, что мы в своих суждениях исходим из человеческого взгляда на события, в то время как существа, логику поведения которых мы пытаемся разгадать, могут подобных взглядов и не разделять. Но возможно, в этом и кроется искра надежды.

Крушение

Знал бы ты, Роджер, что мне довелось повидать!

Города, превратившиеся в болото, пылающие океаны. Толпы людей, отчаянно пытающиеся выбраться из зоны карантина, не замечающие, как проволока ограждения полощет их тела. Отчаянно гонимые надеждой на глоток чистой воды, пригоршню порошкового «Спирулина», люди лезли по проволочной ограде под током, дергаясь как марионетки. Я видел, как на полпути у женщины вспыхнули волосы, а она продолжала лезть. В самом деле, что ей было терять? Я помогал стаскивать трупы к братским могилам столь огромным, что дальний их край был едва виден. Эти гребаные могилы было видно с орбиты!

А потом они послали меня в Манхэттен. С одной стороны, это вроде как облегчение, ну как если наконец сцепиться с равным по силе противником. Ну понимаешь, с тем, кто сдачи дать может. Мы, конечно, слабаки там были, чего уж, и передохли бы или чего хуже, но если б не передохли, если б выжили или даже победили – ну, впервые в жизни нам было бы хорошо от такой победы. Здорово было бы. Мы ж дрались с превосходящими силами, в кои-то веки. Мы не беженцев косили.

Только в Манхэттене это самое оно и вышло.

Я хорошо помню, как нарвался на первую «зачистку». Как бишь они это называют... а-а, «изоляция». Еще одно словечко до кучи назначенных обелить гребаное массовое убийство. Я слез с крыши по пожарной лестнице и спрыгнул в тупичок около Вильям-стрит, и там среди улицы была яма, выстеленная ПВХ. У ямы стояла пара наемников из ЦЕЛЛ и отстреливала появляющихся гражданских. Я включил невидимость и смог близко подобраться, разговоры их послушать. Эти сволочи ржали – им даже охотиться не пришлось, бедолаги штатские сами ползли к ним упорно и тупо, как лососи вверх по течению...

Ну и что, если зараженные? Да мне плевать с телевышки! Они же гражданские, понимаешь, гражданские!

Да, убийцы в униформе всегда оправдываются: карантин, защита населения, пожертвовать немногими ради многих и прочее дерьмо с прицепом. Слушай сюда, Роджер: этих дятлов совсем не терзали угрызения совести за «необходимое зло», какое им, бедняжкам, приходилось причинять. Они ржали! Они в стрельбе практиковались по гражданским!

Конечно, на этот случай есть глушилка для мозгов, трюк старый как мир и действенный: научиться не звать их «гражданскими», не знать их имен. Трудно убить подобного себе. Мы изо всех сил стараемся не убивать подобных себе. Мы не людей убиваем, а «террористов», «ниггеров», «чалмоголовых». Эй, Роджер, знаешь, как они звали зараженных гражданских там, в зоне? Пицца-бомбы, пузыри дерьма. Это потому, что бедолаги взрывались, когда в них пуля попадала, у них внутренности все мягкие были, будто у фрукта гнилого.

Когда я впервые зараженных увидел, так и подумал: грибок инопланетный или вроде того, ну как плотоядные бактерии, некротизирующий фасциит. Но это еще не все. Зараза не просто превращает человека в ходячий комок опухолей. Она перепрограммирует мозг, дает цель. Дает то, ради чего жить и умирать. Поглядеть на кое-кого из этих несчастных, так заражение – лучшее, что с ними в жизни произошло.

Иногда я им почти завидую.

Конечно, в зоне ошивались не только «целлюлиты». Там и нормальные ребята работали. Я то полицию военную видел, то медиков из «Красного Креста». Вмешаться пытались, увещевали. Дескать, парень, не ходи туда, там мясорубка, если пойдешь, осьминожка тебя скушает. Но зараженные внимания не обращали. Они хотели идти к осьминогам, хотели, чтобы их сожрали, будто каждому выпал счастливый билетик – дойти и сесть по правую руку от Иисуса Христа в невообразимо великой послежизни. Я даже видел парочку трысунов

Библией, гребаных миссионеров, прошмыгнувших в зону на свой страх и риск. Было почти забавно наблюдать, как они пытаются уберечь от спасения несчастных обреченных бедолаг, уже попавших на вполне заоблачные небеса. Но эти громилы из ЦЕЛЛ, они уж точно души спасать не собирались. Только и хотели пристрелить кого-нибудь, не способного дать сдачи.

И как ты думаешь, что я сделал? Мы ведь должны защищать гражданских. Это ж профессиональное, в уставе прописано. Ну так я работу свою и сделал. Я этих недоносков разнес на мелкие вонючие клочья с величайшей злонамеренностью и непременно сделаю это снова.

Без приказа, говоришь?

И это все, в чем ты можешь меня упрекнуть?

Так или иначе, двигаюсь я, приближаясь к Голду! Он сказал, в подземке безопаснее, я и попробовал спуститься в метро. Не все зараженные становятся «пилигримами», и не все лезут на улицы. Некоторые сохраняют достаточно здравого смысла, чтоб перепугаться чуть не до смерти, другие хотят просто забиться в угол потемнее и тихо сгнить. В подземке их полно: всхлипывающих, мучающихся, рассказывающих любому готовому слушать, что им уже легче, что завтра к этому же времени они будут веселы и здоровы. Кто-то выглядит вполне нормально, кто-то – немногим лучше, чем бесформенные, булькающие комки слизи. И повсюду быстрое шуршание, повсюду носятся похожие на клопов твари вроде той, какую я раздавил в дезинфекционном туннеле. Они перебирают членистыми серебристыми ногами, «тук-тук-тук» по камню, подскакивают, втыкают в тела иглы-рыла. Наверное, впрыскивают кислоту или пищеварительный сок – высасывают не кровь с кишками, а что-то вроде гноя или семени. Раздавишь – брызгают гноем. Гнусные мелкие твари, прикончить их легко, пальцами можно раздавить. Но их столько! Тратить на них время и силы бессмысленно.

Меняхватило минут на пять, я пробрался к ближайшему выходу, выкарабкался на свет божий и оказался на пешеходном мосту, на уровне третьего этажа, соединявшего офисные высотки. Я был уже на середине и вдруг вижу: целый взвод «целлюлитов» несется по улице, трясая пушками. Не успели начать стрельбу, как я уже на брюхе и невидимый и успел отползти метров на десять, а потом дошло: «Они ж не в меня стреляют!»

Затем что-то врезается в мост, я в мгновение ока на земле, валяюсь на улице и про наемников забываю начисто.

Весь экран так и полыхает красным, я на спине, засыпанный и придавленный, меня подстрелили, сшибли, завалили, но никто не подходит, чтоб прикончить, я всего лишь случайная жертва. Настоящая цель воеет в десяти метрах над головой, и если б я даже не смотрел на нее, если б даже ослеп, все равно бы узнал: этот вой я уже слышал восемь часов назад, отчаянно стараясь выжить, плавая в бухте среди трупов своих товарищей. Те же две светящиеся подковы торчат по бокам. Может, что-то вроде антигравитаторов, движков, создающих подъемную силу. Между ними два ряда модулей, размером и формой похожих на строительные бетономешалки, цилиндры с конусообразными верхушками, точно яйца в лотке. Летучая штука трясется и дрожит, дергается туда-сюда, и, чужепланетная она или нет, можно определить точно: подстрелили ее. С таким же успехом она могла бы копотью в небе выписывать: «Вашу мать, меня трахнули!»

А потом является навалявший ей крутяк, и, мой бог, это ж наш чертов «апач»! И не новенький даже, старая модель 64-D. Ну, вы представьте только, мы ж тут про «летающее блюдце» говорим, про корабль, построенный тварями с другой гребаной планеты, – и ему задницу надрала кучка обезьян на вертолете десятилетней давности. О хрень! Подстреленная птичка сумела выровняться, снова поднимается, уже и над домом поднялась – да не тут-то было: стукнулась о карниз, отскочила, будто камень от воды, а на хвост ей тут же сели целых три «апача» и слазить не собираются. Скрылась за домом – и тут «апач» вlepил ей

ракету. Думаю, все, конец песням, но летучая дрянь через пару секунд появляется снова, проламываясь прямо через дом, оставив зияющую дыру в четыре этажа. Я сквозь нее вижу облака на той стороне. Нет, голубушка, тебе одна дорога – вниз! Летит налево, вдоль улицы между высотками, пролетает пару кварталов и – оранжевая вспышка! Из-за угла плывет дым.

Ну не забавно ли: будто ракету X-35 сбили из рогатки.

Комбинезон перезагружается, и я снова слышу голос Голда:

– Эй, парень, ты это видел? Клянусь, оно грохнулось в пяти кварталах от тебя, не дальше!

Радости по уши, ни дать ни взять, восьмилетняя девчонка, получившая пони в подарок на день рождения.

– Парень, да ты понимаешь, что это значит? Никто раньше эти штуки не сбивал! Это шанс, наш долгожданный шанс! Это же будет... э-э... надо пораскинуть мозгами... э-э...

Тут и я малость раскидываю мозгами. По GPS, Голд сидит на складе на Ист-ривер, далековато отсюда. Конечно, есть некая исчезающая вероятность, что он случайно выглянул в окно и заметил падающую вдалеке точку, но как он мое положение по отношению к ней определил?

Нет, тут не в обычной трансляции дело. Или паршивец Голд к спутнику подключился и наблюдает меня в высоком разрешении, или Н-2 постоянно шлет Голду данные, вполне возможно зашифрованные. Интересно, Локхарт знал про это? Знал, как сигнал этот дешифровать, отключить?

– За дело взяться надо! – вещает тем временем Голд. – С выходом подожди – добудь-ка мне парочку образцов. Вон он, шанс остановить инфекцию – а возможно, и все вторжение. Здесь я тебя прикрою. Но шевелись побыстрее – скоро место падения будет кишеть людьми из ЦЕЛЛ.

Спереди еще доносится рокот идущих над улицами вертолетов. А маленький синий шестиугольник, указывавший на лабораторию Голда, волшебным образом перескакивает на запад, наводя на место инопланетного крушения. Я б сейчас не отыскал Голда даже под угрозой смерти – привык полагаться на путеводный шестиугольник, маршрут и не старался запомнить.

Конечно, я, может, и управляю своими руками и ногами, но вот куда именно двигать их, непонятным образом решают Н-2 и Голд. А я, мать их за ногу, начинаю себя чувствовать пассажиром в собственной шкуре.

Но знаешь, Роджер, когда обведешь безносую вокруг пальца, трудно не радоваться. Всего несколько часов назад я был уверен, что умираю. Весь целиком, до последней клетки, ни апелляций, ни отсрочки, приговор подписан. И вот когда уткнешься в такое, когда помотришь костлявой в морду и выберешься, выкарабкаешься, вопреки всему, сделаешь невозможное – тогда чувствуешь себя неуязвимым.

Вот оно, то самое слово, – неуязвимым.

В конце-то концов, Пророк в грудь получил с корабля и остался стоять. Мать вашу, я ж как последний сын гребаного Криптона, я все могу, а в нескольких кварталах сбитый инопланетный корабль. Да на это любой бы захотел глянуть хоть глазком!

Знаю, меня водят за нос. Но по правде, я все равно сходил бы туда посмотреть.

Манхэттен превратился в лабиринт.

Это не пришельцы учинили. Это не от хаоса обвалившихся зданий, не от подземных толчков – от нас. Десять тысяч бетонных блоков сложили и разбросали по городскому пейзажу, будто кучки перекрывающихся доминошных костяшек десятиметровой высоты, и на каждом написано «ЦЕЛЛ» большими черными буквами. Всю зону разделили на сотню ячеек, кривобоких четырехугольников. Последний раз я столько бетона в одном месте видел

на границе Израиля с Палестиной, там кучу блоков выложили, чтоб евреи с арабами не порвали друг другу глотки.

Баррикада передо мной рассекает пополам Брод-стрит. Ближайший дождевой слив – метрах в двадцати от массивных ворот из гофрированного металла. Поверх них – бегущая по экрану надпись большими печатными буквами: «В Нижний Манхэттен прохода нет». Я сдираю решетку со слива и прыгаю вниз. Через пять минут я, укрытый невидимостью, стою, прижимаясь спиной к фасаду сберкассы на углу Ист-стрит и Хьюстон-стрит, слушая шум вертолетов и работающих вхолостую бронетранспортерных движков.

Эх, парни, насчет карантина с изоляцией вы слегка недосчитали.

Кажется мне, раньше там была площадь с кафешками и магазинчиками. Теперь – дымящаяся дыра, будто макет разодрали пополам, открыв изломанные ярусы подземного гаража. Если корабль и лежит там, внизу, мне его не разглядеть. Но замечаю три цилиндра, какими был утыкан корабль: один вдавился наполовину в асфальт, второй зарылся в клумбу, третий расплющил вдрызг дюжину столов маленького открытого кафе. Обдери чуточку инопланетного глянца с них – и точь-в-точь бетономешалка с грузовика. Над площадью висит вертолет, качается туда-сюда, перед рестораном стоит парочка транспортеров, на той стороне кратера у входа в лифт громоздятся полдюжины ящиков с амуницией и снаряжением – наверное, этот лифт был главным пешеходным входом на парковку, пока цефовский корабль не устроил проветривание. По периметру бродят с дюжину «целлюлитов». Еще несколько волокут из бронетранспортеров ящики к лифту.

Время невидимости кончается. Я снова прячусь за угол, а Голд нудит, требует, чтоб я проверил те бетономешалки, дескать, нужны образцы тканей от погибшего экипажа.

Ну да, а дюжине разнокалиберных наемников нужен я, пусть у них под ногами и похоронено летающее блюдо. Я ж слышу: «Ребята, будьте начеку, как бы не появился этот засранец Пророк. Если про него правду говорят, он опаснее инопланетян».

Что ж, включаю невидимость, прохожу десять метров до знака «Дешевая парковка: въезд», перепрыгиваю через ограждение и оказываюсь перед уткнувшимися друг в дружку носами «таурисом» и «малибу» – так и не выяснили, бедняги, кому проехать первым и в какую сторону. Я решаю рискнуть и дать комбинезону подзарядиться, пока ничего не подзревающие наемники у меня над головой заполняют эфир болтовней.

– У тебя сканер берет что-нибудь?

– Не, похоже, твари катапультировались перед падением. Подождем, пока явится команда зачистки.

– Если катапультировались, то куда подевались?

– Хороший вопрос.

Да уж, хороший. Я обмусоливаю его, включив невидимость и направляясь вниз по съезду. Если бетономешалки пустые, может, спуститься и попытаться проникнуть к кораблю с нижних уровней гаража? Когда Н-2 перехватывает действительно важный кусок разговора, я уже глубоко. Еще немного – и пропустил бы.

– Черт, эта дрянь глубоко залетела – ее только через шахту лифта и достанешь.

Ага.

Хорошие новости: может, таки добуду Голду его образцы. Надо же: «Вон он, шанс остановить инфекцию – а возможно, и все вторжение». Бла-бла-бла.

Плохие новости: вход в шахту лифта – на другой стороне площади, рядом с толпой кровожадных наемников, а по соседству с ними – куча патронов и снаряжения. Наемникам же приказано валить меня изо всех стволов, как только попадусь на глаза.

Новости еще хуже: слышу шаги по меньшей мере четырех человек, подходящих к въезду снизу, и я ну никак не успею выбраться наверх за время невидимости.

Ей же ей, нравится мне, когда остается один-единственный выход. Никаких тебе мучительных сомнений.

Они слышат меня перед тем, как увидеть. Невидимость хороша, но она не глушит звук сапог по бетону, топающих на скорости тридцать миль в час. Наемники замолкают, выставив пушки, но я уже рядом, луплю по их кевларовому тряпью из дробовика, бью прикладом по блестящим серым шлемам, хватаю одного за глотку, швыряю и смотрю, как он ударяется об опору, скользит вниз и мгновенно превращается в кучу изломанного хлама.

Снизу, от гаража, доносятся панические вопли. В эфире тоже вопят – помощи просят, знают: я по их души пришел.

Но я не тороплюсь. Снова делаюсь невидимым, меняю дробовик на недавно осиротевший автомат и направляюсь вверх. Комбинезон работает в режиме усиления. Я двигаюсь очень быстро, а еще энергия расходуется и на невидимость – через три секунды батареи опустеют. Нет, через две: я прыгаю на усилении через подкрепление, спешащее вниз по пандусу, шестеро придурков, торопящихся пострелять, не видят, как я подбежал, и не видят, как я убежал, хотя последний могучий прыжок опустошил батареи вконец, и являюсь я во всей красе прямо над их головами. Они-то неслись, глядя вниз, ожидая встречи со мной, не озираясь, а я уже на поверхности. И вот там-то меня ожидает теплая встреча: вертолет над головой, и орава недоносков бежит по краю кратера, тряся пушками (два, четыре, семь, восемь, девять – БОБР насчитывает девять мишеней и тут же вешает треугольнички-целеуказатели на каждую, любезно отмечая расстояния). Я виляю, пригибаюсь, но все равно в меня попадают, и, хотя комбинезон с повреждениями справляется, на это уходит энергия, полосочка заряда замирает, батареи еще пусты.

С вертолета лупит тяжелый пулемет. Я в ответ швыряю гранату, пилот дергается, отводит вертолет – напрасно, мой маленький разрывной ананасик может только попугать, – зато цель пулеметчик потерял. Я шлепаюсь наземь и закатываюсь за бетонный парапет, высотой где-то по пояс. На нем – рядок заморенных кривых деревьев в кадках. Граната отскакивает, катится, вышибает окна в кафе.

Самое большее секунд через восемь меня обойдут и прижучат.

Но полоска заряда уже подобралась к шести. Я включаю невидимость, откатываюсь от парапета, встаю. Заметил: невидимость держится куда дольше, когда комбинезону не нужно тратиться ни на что другое. Если стоять неподвижно, невидимости хватает на сорок пять секунд, может, даже и на минуту.

Может, почти на столько хватит, если начну двигаться медленно... очень медленно.

Эфир заполняется воплями: «Потерял цель! Он снова невидимый!» Я же тихонько отхожу в сторону и продумываю действие: пять длинных шагов до обрыва и метров пятнадцать по воздуху у левого края. Загоняю усиление на максимум – и ходу!

Полет начинается удачно: ботинки не скользят, отрываюсь сантиметрах в двадцати от края, сразу же сбрасываю усиление до минимума. Парю над дырою будто призрак.

А приземление ни к черту: ноги прямо на краю, за спиной – пропасть, я качаюсь над ней, махаю судорожно руками, пытаюсь удержать равновесие. Тут уж не до заботы о тишине, о том, как грохочут мои сапоги; если сквозь вертолетный рокот, вопли и стрельбу наобум меня кто-то расслышит – все, кранты.

Но не слышат, и вот он я, стою в десяти метрах от лифта, и на пути моем лишь три «целлюлита», оставленные караулить припасы. Разбег и прыжок съели две трети заряда, но я пока еще невидим.

«Целлюлиты» настороже. В последний раз меня видели на другой стороне площади, но теперь-то я могу быть где угодно, хоть прямо перед ними. Как им знать-то?

Ничего, скоро узнают. Через три секунды полоска заряда уже красная. Я берусь за автомат, за присвоенный «грндель». Точность у него не ахти, магазин смехотворно маленький,

но титановые пули носорога бегущего остановят, а стреляю-то я в упор, руку вытяни – и дотронешься.

«Целлюлиты» видят меня – и это последнее, что они видят.

Что было потом, в моей голове не слишком хорошо уложилось. Приятели заваленных не захотели вежливо потерпеть, пока я скроюсь, двери лифта заклинило. Пришлось вламываться, а в процессе отбиваться от целого гребучего взвода. Когда наконец вломился, спустился на двадцать метров до дна шахты и позаботился обо всех, кто сунулся следом за резвым лазутчиком, финальный счет составлял, если не ошибаюсь, семнадцать – ноль.

Я уже говорил: когда кто-то подражается стрелять с девяти до пяти за получку, так оно всегда и бывает.

На дне шахты по грудь стоячей нечистой воды, с северной стороны – служебный проход, загроможенный разодранными трубами, размокшими картонными ящиками и распухшими трупами. Над головой тускло светят лампочки, прикрытые проволочными сетками, древние лампочки накаливания, я даже вижу раскаленные спирали. Лампы, наверное, с двадцатого столетия не меняли. Но в конце прохода свет поярче. Я выхожу к пробитой в потолке дыре, ныряю под обвалившуюся двутавровую балку, карабкаюсь на груды шлакоблоков и крошеной плитки – и вижу очередную «бетономешалку». Она торчит под углом в сорок пять градусов, полузасыпанная обвалившейся крышей и вздыбленным полом.

И вроде подтекает инопланетной жижей.

«Бетономешалка» лопнула в нескольких местах. Из трещин сочится что-то, цветом похожее то ли на старый воск, то ли на соплю. Да эта дрянь повсюду: толстыми потеками-канатами по корпусу «бетономешалки»-гондолы, лужами на полу, висит сталактитами на разбитом потолке. И – она движется! Колышется – или это просто игра света и тени? Я наконец осматриваюсь и вижу: дальний край зала за моей спиной остался почти невредимым, помятая, перекошенная напольная лампа светит почти от пола, и все, что там находится, отбрасывает длинные, контрастные тени. Да, конечно, просто игра света и теней, обман зрения. Но трудно отделаться от мысли, что эти гигантские свисающие «козлики» все-таки малость вздрагивают, корчатся. Будто они – кокон с тонкими стенками, а за ними дозревает, корчится личинка.

– Оно самое, – говорит Голд. – Теперь протестируй-ка это.

Тестировать? Бррр. Но БОБР тут же перехватывает инициативу: согласно выскочившим перед глазами картинкам на кончиках моих пальцев – химические сенсоры широкого профиля. Я гляжу на иконки справа, переключаюсь в тактический режим наблюдения – напоминаю себе, что это не мои пальцы, не моя плоть и кровь коснутся этой жижи, – и касаюсь.

Пальцы Н-2 оставляют вмятины на инопланетной слизи. И почти мгновенно через мозг начинает прокручиваться список ингредиентов, химические формулы. Хотя едва помню химию из курса средней школы, отчего-то распознаю их. Сплошь органика: аминные группы, полисахариды, гликолипиды.

И что это мне напоминает? Так сильно напоминает...

Голду напоминает тоже. Через весь эфир, через треск помех я слышу, как он пытается не выbleвать ланч.

– Господи Иисусе, это ж люди! Расплавленные, разложенные – лизированные люди! Господи боже, да что ж это такое?

Я вспоминаю гной, брызгавший из раздавленных клопов. Странно, что Голд о них не знает.

– Бесплезно, с этим делать нечего. Тупик. Лучше убирайся оттуда, пока ЦЕЛЛ не явился. Возвращайся к плану А.

Даже про лабораторию не говорит. Указатели и ориентиры переключаются сами собою. Чертов Н-2 умен!

Идти назад, к шахте лифта, не слишком разумно. Перебираюсь через груды обломков на другую сторону зала. Там, судя по столу и шкафам, то ли офис местной секьюрити, то ли чулан уборщиков. На стене напротив ряд окон, выходящих на нижний уровень гаража – бывшего гаража, потому что сейчас там куча ломаного бетона, склон горы, уводящей наверх, к тонкой полоске неба. Стекло в окнах армированное, против грабителей.

Против грабителей, надо же.

Через полминуты я карабкаюсь по бетонному склону. В эфире странное затишье. Может, ЦЕЛЛ обнаружил, что я прослушиваю его частоты?

Но ведь и рокота вертолетного не слышно – и это еще удивительней.

Осталось самую малость доверху, и я останавливаюсь осмотреться. Вправо, влево – ничего. Вверху – небо. Гляжу вперед, и...

Ох, мать твою!

На меня прыгают из ниоткуда, тычут мордой в бетонное крошево, в мгновение ока переворачивают на спину и прижимают. Прыгнувшее – клубок черных голых хребтов, скрученный в отчетливо гуманоидную форму. У этой твари руки-хребты, колючие сегментированные штуки, оканчивающиеся чем-то вроде кистей. Нет, скорее не кистей – клешней. Я толком разглядеть не могу, они к плечам моим прижаты, но слишком они большие, вроде бейсбольных рукавиц у кэтчера. А на месте, где должен быть хребет, такая же колючая членистая штука, соединяющая «руки» с парой ног, похожих на собачьи, только суставов много. Сверху шлем вроде носа скоростного поезда, с пучками оранжевых глаз по обе стороны. А внутри этого колючего хитросплетения – комок бескостной серой слизи. Похож на моего первого, топтуна-барабашку с крыши, но все же другой. Скверней и страшней.

Пытаюсь двинуться, но тварь сильна, стряхнуть ее не могу, а пушка моя валяется поодаль, среди хлама. Одна хребто-рука отпускает меня, сжимается, будто для удара, длинная металлическая перчатка-клешня раскрывается, и на свет появляется куча сверл, игл, пробников и ковыряльников, больше, чем у зубо-врачебного кресла в приступе истерии. Что-то, жужжа, вылетает из этого скопления и врезается в мою грудь. Картинка перед глазами подпрыгивает, иконки перемешались, вижу сплошь мешанину цветов и форм.

Затем Н-2 говорит.

Не по-английски, фальшивым голосом Пророка. Даже не по-человечески, сплошная чушь: щелчки, икота, жуткие подвывания. А дерьмо на экране так и не разъясняется, зеленые контуры внезапно превращаются в оранжевые и фиолетовые, арабские цифры – в иероглифы и в те непонятные кляксы, какими доктора-мозгоеды мучили пациентов, пока те их не засмеяли вконец. Да, из теста Роршаха кляксы. Весь чертов интерфейс – в никуда, я лежу, беспомощный, чертовски долго лежу, хотя на самом деле, наверное, всего несколько секунд.

Тут фальшивый Пророк заговаривает снова, и на этот раз, слава богу, по-человечески, хоть я и не понимаю о чем. Говорит: «Попытка активации интерфейса и коммуникации. Текстовый вектор одиннадцать процентов. Недостаточный общий код. В коммуникации отказано».

А чужак спрыгивает с меня и дает деру, словно я – барабашка из-под кровати.

Экран приходит в норму, и тут возвращается Голд: «Парень, ну ты крут! Ты включил сенсорную моду, но она не смогла... Слушай, Пророк, что б это ни было, сделай это еще раз!»

Ага. Догнать этого монстра и ласково уговорить его проткнуть еще раз. Так я и разогнался.

– Давай, парень, не болтайся без дела! У нас времени нет!

Кому я мозги пудрю, в самом-то деле? Хватаю автомат и пускаюсь в погоню. Все ресурсы перевожу на бег, то ускоряюсь турбореактивно, то шевелю своими жалкими мыш-

цами, пока комбинезон перезаряжается. И посмотрите-ка, вот он, придурок инопланетный, то на двух ногах прыгает, то на четырех несется, словно гепард, то по улице мчится, то по стенам лезет, будто накофеиненный геккон. Тварь и не двуногая, и не четвероногая, и не бегун, и не лазун – все вместе. Оно меняет форму, перетекает из одной в другую с такой же легкостью, как я переставляю ноги. Это ж почти прекрасно, как оно движется. Оно прекрасно и стремительно, но знаете что? Уродливый Н-2, неуклюжая куча искусственных мышц и стали – не отстает, пусть шаг вперед и два назад, но этот шаг вперед стоит дюжины, и вдруг я рядом и могу схватить монстра за шиворот. Я уже в двадцати метрах, а он внезапно сворачивает направо и бросается на стену, лезет вверх. Благодаря неизвестному гению, спроектировавшему стабилизаторы движения на Н-2, стреляю на бегу. То ли попадаю удачно, то ли попросту старый цемент крошится под когтями монстра, но цеф валится со стены спиной назад, и механические щупальца, вперемешку с живыми, месят воздух впустую, и мерзкая машина со слизью внутри шлепается на асфальт в пяти метрах от меня. Тут же вскакивает, но я уже луплю по мягким частям внутри машинерии, и мне наплевать, как быстро ходят их корабли, – ничто сделанное из живой плоти не выживет после столкновения нос к носу с тяжелой штормовой винтовкой «грэндель».

На меня выплеснулось столько осьминожьей слизи, что и через экзоскелет пропихиваться не нужно. Всего лишь вытираю руку о грудь, и фальшивый Пророк издает писк: «Образец принят. Идет анализ». Я наблюдаю, как кончики пальцев Н-2 впитывают инопланетную жижу, словно губка – пролитый кофе.

И слов нету, жутко оно выглядит.

Продолжаю ужасаться и не замечаю, как со всех сторон ко мне бегут такие же твари.

Семейные ценности

Будь Суперменом!

Возьмите сперва экзоскелет, гексагональную сотовую структуру из ниобии-танталового и титанового сплавов, на 32 % прочнее, чем у Н-1, и вполтину легче. Оденьте его в крайнетовские искусственные мышцы: армированный углеродный нановолоконный композит, способный запасать упругую энергию вплоть до 20 дж/см³, с электромеханической связью, чья эффективность превышает 70 % в большинстве видов боевой обстановки. Оденьте это все в эпидермис из эластичной допированной керамики и сетки Фарадея, экранирующей электромагнитные импульсы, но допускающей телеметрию со скоростью вплоть до 15 терабайт в секунду. Соберите все, задействуйте, и у вас боевое шасси, в котором вы сможете посмеяться надо всем – кроме разве что тактического ядерного заряда (по правде говоря, в боевой симуляции три из пяти нанокостюмов-2.0 выдержали, находясь в эпицентре взрыва «Разрушителя электроники», заряда «Локхид ААФ-212»).

Что же питает эту несравненную комбинацию нападения и защиты? Да что угодно! Хотя первичное питание Н-2 – от любой водородной батареи серии BVN, комбинезон автоматически поглощает и накапливает энергию от множества самых разных источников, какие могут встретиться на поле боя: например, из движения, солнечного тепла и света, атмосферного микроволнового излучения и многого другого. Стандартный универсальный адаптер позволяет подзаряжаться от практически любой электрической сети, гражданской либо военной. Кроме того, возможнастройка в комбинезон некроорганического метаболита (НОМ), позволяющего извлекать полезную энергию даже из оставшейся на поле битвы мертвечины!

Может, слишком многие хотели меня прикончить? Может, и ЦЕЛЛ, и цефы рыскали в поисках меня и по большому везению наткнулись одновременно? Или песочили друг дружку по улицам, а я просто угодил под перекрестный огонь? Роджер, не просветишь ли?

Ну да, конечно же, это ведь ты здесь задаешь вопросы.

Клянусь, первая волна цефов удирала от чего-то. Неслись по стенам, по улице, целая толпа злобных барабашек, суставчатых топтунов. Я, недолго думая, принялся стрелять, завалил парочку, цефы начали отстреливаться из гребаных здоровенных рукопушек, но, кажется, особо я их не заинтересовал. Тут из-за угла вылетает ЦЕЛЛ, завывая, на «хамви», и я слышу только: «Мудак в комбинезоне! Синяя рота, в бой!» Бросаюсь наземь, мать вашу, в воздухе тесно от пуль и гранат. Долбаные «целлюлиты», наверное, и осьминожек сперва не заметили.

Но те быстро обратили на себя внимание. «Хамви» превращается в металлолом, и у «целлюлитов» появляется новое занятие.

Я лежу, надежно укрытый, никому не достать – если, конечно, ребята не решат шаракнуть ядерным микрозарядом, чтоб разнести укрывшую меня обваленную стену. Включаю невидимость, выглядываю из-за кучи шлакоблоков. Если встать, одни ноги по колени и останутся, остальное разнесет в клочья. Но к счастью, обе стороны слишком озабочены друг другом, им не до меня. Я ползком перебираюсь к магазину «Н&М» по соседству, чьи двери, по счастливой случайности, выбиты.

Комбинезон продолжает выуживать из эфира воодушевляющие известия.

– Синий-восемнадцать, это Локхарт, подтвердите поражение цели!

Локхарт, надо же.

– Синий-восемнадцать, приказываю, докладывайте!

Я пробираюсь в отдел женского белья, там, за стойкой с мини-трусиками, служебный вход. Герой покидает поле боя.

– Можете подтвердить поражение?

Он по всему эфиру, моя немезида, клич моей гибели, – да только сейчас он больше похож на мамочку, потерявшую ребенка на детской площадке.

– Локхарт, и так ясно – не может.

Эта сухая насмешливая ремарка – ну просто моя озвученная мысль, и во мне мелькает подозрение: «Что, если фальшивый Пророк и мысли мои читать научился?» Но нет, это женский голос по коммуникатору, причем смешанный с вертолетным рокотом.

– Стрикланд, прочь с линии! Синий-восемнадцать, вы можете...

– Локхарт, они в ауте. Я ж говорила не слать отделение. Пророк в комбинезоне, возможно, сошел с ума. Если пустить меньше взвода, он их выпотрошит, как гризли отряд бойскаутов.

О, мне нравится эта цыпочка! Гризли и бойскауты – хорошо придумала. Живописное сравнение.

Локхарт так не считает.

– Стрикланд, ты слишком впечатлительная. Почему бы тебе не убраться и не заняться делами Харгрива? Оставь мне мою работу!

– Я уже занимаюсь его делами. Он послал меня проследить за возвращением комбинезона. И должна сказать, до сих пор твои ребята с работой не справлялись.

– Мы достанем сукина сына! И без твоей помощи, заметь!

– Харгрив больше так не считает.

– Тогда к черту Харгрива! Он понятия не имеет, что здесь делается!

Дисплей выдает мне координаты стрикландовского вертолета: 10–11.

– Локхарт, я не собираюсь препираться об этом в эфире. Встретимся на земле. Конец связи.

Координаты 10–11 – спускается. Я уже в квартале от разборки осьминогов с «целлюлитами» и хорошо различаю рокочущий звук «хуп-хуп-хуп», мечущийся между стенами слева. Моя гибель и гибель гибели собираются переговорить всего в паре кварталов отсюда. Если поспешу, возможно, выясню что-нибудь полезное.

Удивляешься, как же я помню все эти мелкие детали? Но знаешь, что самое удивительное? А то, что еще на прошлой неделе у меня такой памяти и в помине не было.

Я нашел подходящее место у окна на третьем этаже разбомбленного старого особняка. Локхартовский «хамви» припаркован на боковой улочке за аптекой, будто майор собрался забежать за пачкой презервативов, но постеснялся заходить с главного входа. Стрикландовский вертолет стоит носом ко мне на заросшем травой пустыре за сберкассой, рядышком с парой передвижных нужников. То, как лопасти его винта рассекают воздух, напоминает мне разозленного кота: ленивого, вальяжного, но в то же время смертельно опасного.

Недруги встречаются на нейтральной территории, под охраной пары «целлюлитов» по периметру. Локхарт высокий, где-то метр девяносто, стандартный плоскоголовый дуболом армейского разлива, хоть сразу на плакат. Правда, наша братия и в самом деле частенько плосковата головой, а уж про дуболомность и слов нет.

Стрикланд же – ходячая мечта онаниста. На полголовы ниже Локхарта, кожа цвета капучино, темные волосы собраны в хвостик. По движениям Локхарта ясно: на него волнующие прелести Стрикланда впечатления не произвели. Мое аудио настраивается, и я слышу родственную свару во всей красе.

– ...Взять живым! – огрызается Стрикланд.

– Приказ был завалить его! – рычит Локхарт. – Когда завалим, тогда и будем обсуждать гражданские права и легальные процедуры.

– Живым он полезнее.

– Да? И кому же? Мисс Стрикланд, этот парень только что завалил две дюжины моих людей. Я больше рисковать не хочу. Пророк сдохнет! Пусть Харгрив с его трупом балуется.

– Харгрив хочет...

– Он комбинезон хочет! Он его и получит.

– Ему это не понравится. И если я не ошибаюсь, мы оба еще работаем на него.

О, кажется, в ход пошли козыри. Но Локхарт и глазом не моргнул.

– Ошибаешься, Стрикланд! Это ты на него работаешь, а я работаю на совет директоров ЦЕЛЛ и на министерство обороны! И мне плевать на то, что нравится, а что не нравится выжившему из ума престарелому держателю акций.

– Держателю большинства акций! И бывшему главе совета директоров. Локхарт, ты хорошенько подумай, каких врагов наживаешь.

Тот медлит с ответом. Может, Стрикланд таки нашла убедительный аргумент – уж про кого-кого, а про врагов Локхарт знает немало. Наверняка не одного и не двух заимел в свои-то годы. Может, он и пошлет Стрикланд на три буквы без особых сомнений – что какая-то сучка-выскачка матерому кобелю вроде него? Но поводок сучки держит кто-то куда матерее. Сколько же врагов он может себе позволить, на скольких фронтах сражаться?

– Разговор окончен, – объявляет Локхарт сухо и спокойно топчет чужую территорию, дерзко забирается в вертолет.

Эй, Стрикланд, чего тормозишь? Терпеть такое собралась? Ты ж можешь нос ему утереть, можешь! Это твоя вотчина, ты дело знаешь – я видел твои машины в работе, да чтобы тебе, бабе, подняться хотя б до половины нынешнего твоего положения, нужно вдвое лучше быть, чем засранцы типа Локхарта. Давай, вышвырни недоноска из вертушки, оплеухами загони в его недоделанный карамельный «хамви», покажи, кто здесь главный. За тобой же сам Харгрив!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.